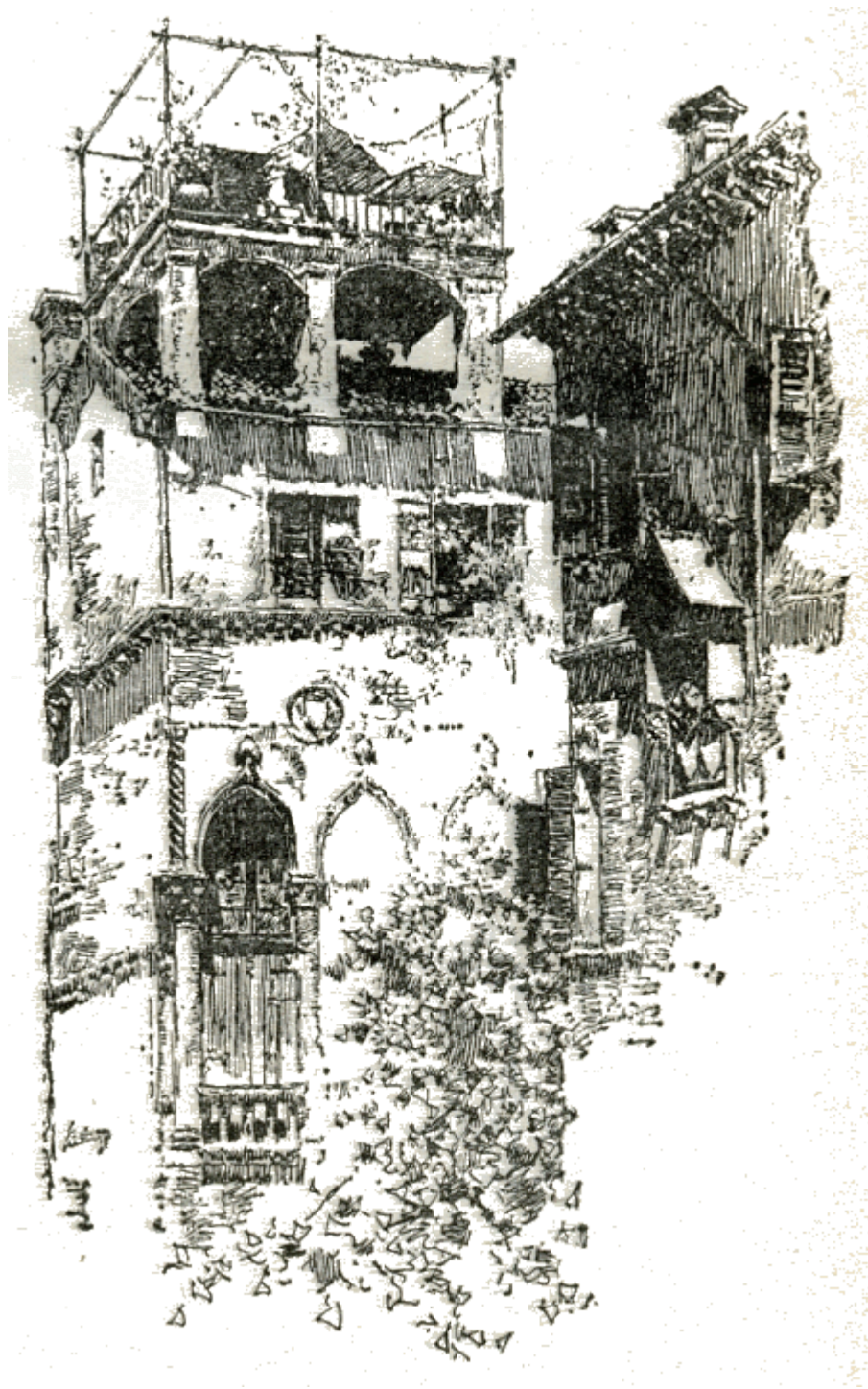

СОМЕРСЕТ МОЭМ

Вилла
на холме
Эшенден,
или
Британский
агент

Рассказы

Глава 1

Вилла располагалась на вершине холма. С террасы на переднем ее фасаде открывался великолепный вид на Флоренцию; задний же фасад выходил в старый сад, где было мало цветов, но росли живописные деревья, а дорожки, прорезавшие зеленые лужайки, были окаймлены лентами подстриженных кустов самшита. Имелся здесь даже искусственный грот, где серебристая струйка прохладной воды вытекала из «рога изобилия» и с тихим плеском стекала вниз по камням.

Виллу построил в шестнадцатом веке какой-то знатный флорентинец, чьи обедневшие отпрыски продали ее одной английской семье. Эти-то англичане, фамилия которых была

Лионард, и пригласили Мэри Пентон пожить здесь какое-то время. Хотя комнаты были просторными, а потолки – высокими, само здание оказалось небольшим, так что Мэри обходилась помощью трех слуг, оставленных ей хозяевами. Мебели здесь стояло немного; она была старинной и выглядела довольно живописно. По комнатам все время гулял сквозной ветер; несмотря на то что центрального отопления не было, владельцы дома устроили в нем пару ванн комнат. И хотя Мэри приехала сюда в последние мартовские, по-зимнему холодные дни, жилось ей в доме не так уж плохо. Теперь уже был июнь, и, когда Мэри не отлучалась куда-нибудь из дому, она до вечера сидела в саду или на террасе, откуда видны были флорентийские соборы и башни.

В первые несколько дней по приезде она устроила себе настоящее пиршество для глаз: утром проводила чудесные часы в галереях Уффици и Барджелло,¹ днем заходила в церкви или бродила по старинным улочкам. В последнее же время Мэри ездила в город редко – разве лишь для того, чтобы выпить чаю или пообедать с друзьями. Ей нравилось сидеть в шезлонге посреди сада и читать какую-нибудь книгу; если же молодой женщине хотелось сменить обстановку, она садилась в свой «фиат» и обследовала пригороды Флоренции. Ничто не могло сравниться красотой с исполненными мудрой простоты тосканскими видами. Когда на тополях появилась зеленая листва, а плодовые деревья в садах зацвели, их яркие цвета составили разительный контраст с серым отливом вечнозеленых олив, и Мэри ощутила, как легко стало у нее на душе. Подобную легкость она уже не надеялась когда-либо почувствовать.

После пережитой год назад трагедии – смерти мужа, после тревожных месяцев, когда она даже не могла никуда уехать, поскольку постоянно была нужна юристам, собиравшим воедино остатки промотанного ее супругом состояния, Мэри была рада принять приглашение семьи Лионард и перебраться в этот величественный старинный дом, чтобы немного прийти в себя и подумать о дальнейшей своей жизни. Позади остались неудачный брак и восемь лет беспокойной жизни. Сейчас Мэри было тридцать; она теперь была обладательницей лишь нескольких великолепных жемчужин и небольшого состояния, годового дохода с которого хватало, чтобы не думать о заработке, правда, в случае соблюдения жесткой экономии. Что ж, все вышло лучше, чем казалось сначала, когда юристы с угрюмым видом уверяли ее, что после уплаты всех долгов мужа ей не останется ни гроша. После проведенных во Флоренции двух с половиной месяцев Мэри чувствовала, что смогла бы, не впадая в панику, пережить и такой оборот событий. Когда она покидала Англию, ее давний друг, пожилой юрист, ласково похлопал молодую женщину по руке и сказал:

– Теперь вам не о чем беспокоиться, моя милая. Набирайтесь сил и постарайтесь окрепнуть духом. Я ничего не говорю о вашей внешности – выглядите вы, несмотря ни на что, прекрасно. Вы молоды и очень красивы, так что не сомневайтесь: вы вступите в новый брак. Однако не выходите больше замуж по любви – это всегда бывает ошибкой; выходите за человека обеспеченного, с устойчивым положением в обществе.

Мэри рассмеялась. Горький опыт семейной жизни отбил у нее всякую охоту когда-либо в будущем взваливать на плечи тяготы семейной жизни; странно было, что сейчас она всерьез задумалась над советом умудренного опытом старого адвоката. Могло случиться так, что принимать решение ей пришлось бы уже в то самое утро. Эдгар Свифт, очевидно, уже ехал к ней сюда, на виллу, – четверть часа назад он позвонил Мэри и сказал, что должен отбыть в Канны, где ему неожиданно назначил встречу лорд Сифэйр, и что перед отъездом ему необходимо срочно встретиться с нею. Лорд Сифэйр занимал пост министра по делам Индии, и вызов к нему мог означать лишь одно: Эдгару в конце концов собрались предложить некую высокую должность, о которой он давно уже мечтал.

Сэр Эдгар Свифт, кавалер ордена «Звезда Индии» второй степени, начинал службу, как и отец Мэри, в индийской администрации и сделал там карьеру. Пять лет он был губернатором Северо-Западных провинций и, когда там начались бунты, продемонстрировал, что способен на многое. К концу этого срока он завоевал репутацию самого одаренного

¹ Флорентийские художественные музеи. (Здесь и далее – примеч. перев.)

человека в Индии и показал, что обладает качествами, необходимыми руководителю: решительность не мешала ему быть тактичным, а властность – великодушным и сдержанным. Как индуисты, так и мусульмане любили его и доверяли ему.

Мэри знала его с самого детства. Когда умер ее отец – совсем еще молодым! – и они с матерью вернулись в Англию, Эдгар Свифт, приезжая домой на время своих отпусков, каждый раз подолгу бывал в их обществе. Мэри помнила, как ребенком ходила с ним в цирк и на пантомиму, а подростком – в театр и кино. Каждый раз на Рождество и в день ее рождения он присылал ей подарки. Когда девушке было девятнадцать, мать сказала ей:

– На твоём месте я пореже встречалась бы с Эдгаром. Ты не замечала, что совсем вскружила ему голову?

Мэри рассмеялась:

– Он же пожилой человек!

– Ему всего сорок три года! – резко ответила мать.

Однако когда через два года Мэри вышла замуж за Мэттью Пентона, Эдгар подарил ей к свадьбе великолепные индийские изумруды. Тепло отнесся к ней он и тогда, когда узнал, что брак не принес ей счастья. По истечении срока губернаторства Эдгар прибыл в Лондон и, выяснив, что Мэри находится в это время во Флоренции, отправился туда, чтобы нанести ей краткий визит. Когда пребывание его в этом городе затянулось на одну, а потом и на две недели, молодая женщина не могла не догадаться, что он ждёт лишь удобного момента, чтобы предложить ей руку и сердце. Сколько лет уже он к ней равнодушен? Вспоминая прошлое, она пришла к выводу: все началось, когда ей было пятнадцать. Приехав домой в отпуск, Эдгар обнаружил, что она уже не ребенок, а юная девушка. Это многолетнее поклонение было так трогательно! И конечно, союз девятнадцатилетней девушки с мужчиной сорока трех лет – совсем не то, что тридцатилетней женщины с мужчиной, которому пятьдесят четыре. Разница в возрасте больше не казалась ей такой уж значительной. К тому же Эдгар не был теперь незаметным чиновником индийской администрации – он стал человеком влиятельным, и, без сомнения, нелепо было бы думать, что правительство не воспользуется его услугами – ему были обеспечены все более и более высокие посты. Матери Мэри уже не было в живых, и у молодой женщины не осталось на свете ни одного близкого человека; ни к кому она не была так расположена, как к Эдгару.

– Пора бы наконец на что-нибудь решиться, – сказала Мэри вслух.

Эдгар вот-вот должен был приехать. Она обдумывала, где его принять – быть может, в гостиной, о которой упоминали все туристические справочники, поскольку фрески на стенах этой комнаты были творением младшего Гирландайо?¹ Но помещение это, где стояли роскошные канделябры и внушительная мебель эпохи Возрождения, имело слишком помпезный и официальный вид, и молодая женщина подумала, что это придаст ее встрече с Эдгаром ненужную и нелепую торжественность. Лучше принять его на террасе, где Мэри так любила сидеть по вечерам, любуясь открывающимся оттуда видом. Это создало бы у обоих впечатление, что они встретились как будто случайно. Если Эдгар и в самом деле собирается сделать ей предложение, что ж, эта непринужденная и не слишком романтическая обстановка – свежий воздух и чай с печеньем – облегчит им разговор.

Вокруг террасы росли в кадках апельсиновые деревья; через края поднимавшихся, казалось, прямо из земли мраморных саркофагов перевешивались яркие головки разросшихся цветов. Терраса была огорожена старинной каменной балюстрадой, на которой через равные промежутки стояли огромные каменные вазы, а по углам красовались полуразбитые средневековые статуи святых. Мэри расположилась в глубоком плетеном кресле и попросила Нину, горничную, принести ей чаю. Другое кресло, приготовленное для Эдгара, пока пустовало. На небе не было ни облачка, и видневшийся вдали город купался в чистом нежном сиянии июньского утра.

¹ *Гирландайо (ди Томмазо Бигорди) Доменико* (1449–1494) – итальянский живописец флорентийской школы; его ясные по композиции фрески отличаются мягким колоритом и написаны чаще всего на жанровые и бытовые сюжеты.

Вот наконец послышался рокот мотора подъезжавшей машины. Через несколько секунд Чиро, лакей семьи Лионард и муж Нины, проводил на террасу сэра Эдгара. Высокий и худощавый, в своем хорошо сшитом голубом шерстяном костюме и черной фетровой шляпе, он имел спортивный и в то же время элегантный вид. Если бы Мэри не знала этого раньше, сейчас она догадалась бы, что он хорошо играет в теннис, уверенно держится на воде и отлично стреляет. Сняв шляпу, Эдгар явил миру массивную голову с черными, выющимися, чуть тронутыми сединой волосами. Жгучее индийское солнце покрыло загаром его лицо, худое, с орлиным носом и выдающим властный характер подбородком; глубоко посаженные карие глаза зорко смотрели на мир из-под нависающих бровей. Неужели ему пятьдесят четыре? Он никак не выглядел старше сорока пяти лет, этот статный мужчина в расцвете сил. Держался он с достоинством, но без высокомерия; вызывал у людей доверие. Перед Мэри был человек, которого не могли смутить никакие трудности, не могли выбить из колеи никакие нелепые случайности. Он не тратил времени на досужие разговоры.

– Сегодня утром мне звонил Сифэйр и недвусмысленно предложил пост губернатора Бенгалии. Они решились на это, поскольку вынуждены были искать претендента не из числа жителей Англии – ему тогда пришлось бы очень долго изучать обстановку на месте. Им же нужен человек, которого они уже хорошо знают.

– Вы, конечно, согласились?

– Разумеется. Именно к этой должности я и стремился.

– Рада за вас.

– Но есть еще кое-какие детали, которые надо уточнить. Я договорился, что вечером приезжаю в Милан, сажусь в самолет и вылетаю в Канны. Меня не будет два-три дня. Без вас я буду скучать, но Сифэйр настаивает, чтобы мы встретились немедленно.

– Это вполне естественно.

Его постоянно сжатые тонкие губы растянулись в улыбке, глаза нежно заблестели.

– Вы, очевидно, понимаете, что мне предстоит занять весьма важный пост. Если мне будет сопутствовать успех – что ж, я наконец добьюсь славы.

– Уверена, что вас ожидает успех.

– Мне предстоит трудная работа, связанная с немалой ответственностью, но это как раз по мне. Разумеется, во всем этом есть и определенные преимущества. Губернатору Бенгалии подобает вести определенный образ жизни, и скажу вам откровенно: в этом есть для меня нечто заманчивое. Человек, занимающий эту должность, живет в прекрасном доме, чуть ли не во дворце. Мне придется быть очень гостеприимным.

Мэри понимала, куда он клонит, но как ни в чем не бывало смотрела на него с сияющей, сочувственной улыбкой. Разговор вызывал у нее приятное возбуждение.

– Разумеется, человеку на таком посту лучше быть женатым, – продолжал Эдгар. – Холостяку там пришлось бы очень нелегко.

Мэри с совершеннейшей искренностью во взгляде ответила:

– Уверена, что найдется множество подходящих для вас женщин, которые рады будут разделить с вами все преимущества вашего нового положения.

– Я не зря прожил в Индии вот уже почти тридцать лет и прекрасно понимаю, что вы недалеки от истины. К несчастью, на свете есть одна лишь женщина, которой я мечтаю предложить руку и сердце.

Вот оно! Что же ей сказать – да или нет? Ах, дорогая моя, как же трудно принять решение! Эдгар бросил на нее немного лукавый взгляд.

– Скажу ли я нечто для вас неожиданное, если признаюсь: я сходил по вас с ума еще с тех пор, когда вы были девочкой, почти ребенком, и только что состригли косу?

Ну что тут скажешь?! Она от всей души расхохоталась.

– Ох, Эдгар, что за чушь вы несете!

– Вы самая прекрасная из всех женщин, которых я только встречал в жизни, и самая обаятельная. Конечно, я знаю: мне не на что надеяться. Я старше вас на двадцать пять лет, мы ведь с вашим отцом были ровесниками. Подозреваю, что в юности вы считали меня

смешным старым чудаком.

– Нет, никогда! – вскричала Мэри, впрочем, не до конца искренне.

– Во всяком случае, влюбились вы в своего сверстника, что было вполне естественно. Прошу вас, поверьте: когда я узнал из вашего письма, что вы собираетесь выйти замуж, я желал вам счастья. Мне было очень больно узнать, что у вас в семье разлад.

– Возможно, мы с Мэттом были слишком молоды, чтобы вступать в брак.

– С тех пор много воды утекло. Я бы удивился, если бы оказалось, что для вас сейчас разница в годах между нами так же существенна, как тогда.

Вопрос для Мэри был настолько труден, что она предпочла ничего не отвечать и выждать, что же Эдгар скажет дальше.

– Я всегда заботился о том, чтобы быть в форме. Совершенно не ощущаю своего возраста. Но хуже всего то, что время совсем не накладывает на вас свой отпечаток, если не считать того, что вы становитесь все краше.

Она улыбнулась.

– Неужели вы нервничаете, Эдгар? Или мне почудилось? Вот уж чего я совсем от вас не ожидала. Всегда считала вас просто-таки железным человеком.

– Маленькое вы чудовище, вот вы кто! Впрочем, вы совершенно правы, мне трудно держать себя в руках. Что же касается железа, из которого я, по-вашему, сделан, никто лучше вас не знает, что в ваших руках оно всегда было мягким как воск.

– Надо понимать, вы делаете мне предложение?

– Именно. Вы удивлены или, может быть, шокированы?

– Ну, разумеется, не шокирована. Знаете, Эдгар, я к вам очень привязана. По-моему, вы самый удивительный человек из всех, с кем я когда-либо была знакома. Ужасно горжусь тем, что вы хотите на мне жениться.

– Так вы за меня пойдете?

В мыслях молодой женщины мелькнуло предвидение будущего. Эдгар, конечно, человек многообещающий. Стать женой губернатора Бенгалии! От этого просто-таки захватывает дух. Как приятно быть высокопоставленной дамой, у которой десятки человек на побегушках!

– Вы сказали, вас не будет два-три дня?

– Самое большее, три. Сифэйру потом надо будет вернуться в Лондон.

– Подождете ответа до вашего приезда?

– Конечно. В создавшейся ситуации это, на мой взгляд, весьма разумно. Уверен, что лучше будет, если вы прислушаетесь к голосу вашей души. На мой взгляд, если б вы твердо были уверены, что откажете мне, то вам не над чем было бы думать.

– Вы правы, – усмехнулась молодая женщина.

– Тогда оставим все, как есть. Боюсь, сейчас мне придется вас покинуть, иначе я опоздаю на поезд.

Мэри проводила Эдгара к ожидавшемуся его такси.

– Кстати, вы предупредили княгиню, что не сможете быть у нее сегодня вечером?

Они собирались пойти на званный обед, который давала престарелая княгиня Сан-Фердинандо.

– Да, я позвонил ей и сказал, что вынужден уехать из города на несколько дней.

– Вы не говорили ей, зачем туда едете?

– Вы же знаете, какая деспотичная эта старая дама, – снисходительно улыбнулся Эдгар. – Она стала читать мне нотацию за то, что я ее подвел в самый последний момент, так что мне в конце концов пришлось выложить ей всю правду.

– Что ж, она найдет вам замену, – небрежно заметила Мэри.

– Надеюсь, вы возьмете с собой Чиро, когда туда поедете? Я ведь, к сожалению, не смогу вас проводить.

– Не выйдет. Я уже отпустила и его, и Нину на весь этот вечер.

– По-моему, ужасно неблагоприятно с вашей стороны ездить одной по безлюдным

дорогам, да еще в столь поздний час. Но вы ведь сделаете то, что обещали мне, да?

– Обещала?... Ах, да, вы насчет револьвера. По-моему, это просто нелепо – на дорогах в Тоскане так же спокойно, как в Англии. Но чтобы вы не волновались, сегодня я его возьму.

Эдгар знал, как любила Мэри ездить на своем автомобиле по окрестностям города, и, поскольку, по обыкновению англичан, считал всех иностранцев преопаснейшими людьми, навязал ей свой револьвер и взял с нее обещание класть его в сумочку, выезжая из дому.

– Повсюду полно голодных батраков и нищих бродяг, – убеждал он Мэри. – У меня не будет ни минуты покоя, пока я не буду знать, что в крайнем случае у вас будет чем себя защитить.

Чиро подошел к машине, чтобы открыть гостю дверцу. Эдгар Свифт извлек из кармана пятидесятилировую бумажку и вручил ее лакею.

– Послушай, Чиро, я на несколько дней уезжаю и сегодня вечером не смогу проводить синьору. Так что проследи, пожалуйста, чтобы она, уходя из дому, взяла с собой револьвер. Она мне это обещала.

– Хорошо, синьор, – отозвался Чиро.

Глава 2

Мэри занималась своим лицом. Нина стояла за ее спиной, с интересом наблюдая за ее действиями и то и дело давая непрошенные советы. Горничная довольно долгое время прожила с семьей Лионард и недурно говорила по-английски, Мэри же за пять проведенных на вилле месяцев научилась объясняться по-итальянски, так что они могли свободно общаться.

– Как, по-твоему, Нина, достаточно я наругалась?

– У вас такой прекрасный цвет лица, что я не могу понять, зачем вы вообще пользуетесь румянами.

– Там, куда я еду, все дамы будут буквально разрисованы ими. Если я не последую их примеру, хотя бы в малой степени, то буду казаться бледной как смерть.

Мэри надела вечернее платье и кое-какие украшения, которые уже привыкла носить, а затем устроила на голове довольно забавного вида маленькую шляпку, которая, однако, была очень модной. Для этого званого обеда надо было одеться именно так. Предполагалось, что общество соберется в новом ресторане на берегу Арно, где очень хорошо готовили и гости к тому же могли, сидя на открытой веранде, вдыхать душистые ароматы июньской ночи и любоваться великолепным видом на высвеченные луной живописные старинные здания на другом берегу. Старая княгиня где-то разыскала певца с казавшимися ей уникальными вокальными данными и хотела предложить гостям его послушать.

Мэри взяла в руки свою сумочку.

– Ну вот, я готова.

– Синьора, вы забыли револьвер.

Мэри засмеялась:

– Глупая ты, я ведь и хотела его забыть. Зачем он нужен? В жизни не стреляла из револьверов и боюсь их до смерти. У меня ведь нет даже разрешения носить оружие, так что, если его у меня найдут, не оберешься неприятностей.

– Вы же обещали синьору.

– Синьор просто выжил из ума.

– Это бывает со всеми мужчинами, когда кто-нибудь вскружит им голову.

Мэри отвернулась. Подобные темы она обсуждать не желала. В Италии прекрасные слуги, преданные и не боящиеся тяжелой работы, но бесполезно надеяться, что они не в курсе ваших дел. Так что молодая женщина прекрасно знала, как хотелось Нине поговорить с нею о ее сердечных делах и обсудить их во всех подробностях.

Открыв сумочку, она сказала горничной:

– Ладно. Клади сюда эту гадость.

Чиро уже подвел машину к подъезду. Мэри купила эту двухместную малолитражку с откидным верхом по приезде на виллу и намеревалась перед отъездом ее продать, сколько бы за нее ни предложили. Сев за руль, Мэри осторожно проехала по узкой аллее, миновала железные ворота виллы и выехала на извилистую проселочную дорогу, по которой добралась до ведущего во Флоренцию шоссе. Включив свет в салоне, она взглянула на часы. Времени, как оказалось, у нее было в избытке, так что она сбавила скорость. Нечто подсознательное удерживало ее от этой поездки – по-настоящему, ей хотелось пообедать в одиночестве на террасе виллы. Ей доставляло такое огромное удовольствие обедать там июньскими вечерами, когда брезжил еще дневной свет, а потом оставаться за столом и ждать, пока постепенно ее обоймет ночная прохлада. Все это вызывало у молодой женщины чудесное ощущение покоя, но не той бездумной праздности, что сродни летаргическому сну, а действенного, трепетного покоя, состояния, в котором ум ее активно работал, а чувства живо откликались на ход размышлений. Возможно, было что-то в самом тосканском воздухе, которым так легко дышалось, который возбуждал человека так, что даже физические ощущения воспринимались как нечто одухотворенное. Он навевал такие же эмоции, как музыка Моцарта, мелодичная и веселая, но с меланхолическим подтекстом, музыка, приводящая слушателя в такое блаженство, что душа его, кажется, освобождается от земных уз и на несколько волшебных мгновений воспаряет над жизненной суетой и брентностью, растворяясь в небесных сферах Гармонии и Красоты.

– Глупо туда ехать, – сказала Мэри вслух. – Зря я не отказалась сразу, как только выяснилось, что Эдгара там не будет.

Да, конечно, ехать туда было глупо. Надо было ей остаться дома и спокойно все обдумать – в ее распоряжении ведь был весь вечер. Хотя Мэри давно догадывалась о намерениях Эдгара, до сегодняшнего утра она не была уверена, что он когда-нибудь наберется решимости заговорить об этом, и потому до самой последней минуты считала излишним обдумывать, какой же ему дать ответ. Пусть уж лучше все выйдет само собой, по настроению. Что ж, теперь он высказался, но она ощущала еще большую, чем обычно, просто безнадежную нерешительность.

В этот момент она въехала в город; густые потоки шагавших по обочине шоссе людей и маячившая сбоку цепочка велосипедистов заставили Мэри сосредоточиться на том, чтобы вести машину аккуратно.

Войдя в ресторан, она поняла, что явилась последней. Княгиня Сан-Фердинандо была властной пожилой американкой с серыми, стального отлива волосами, стянутыми в тугий узел. В Италии она безвыездно жила вот уже сорок лет; ее римлянина-мужа, носившего княжеский титул, не было в живых уже четверть века; двое их сыновей в это время служили в итальянской армии. Денег у княгини было немного; кроме них ее достоянием были острый язык и неподдельное добродушие. Ее никогда не считали красивой; в последние же годы прямая осанка, ясные глаза и резкие черты лица делали ее едва ли не более привлекательной, чем в юности. Поговаривали, что князю она в свое время часто изменяла, но это не сказывалось на положении в обществе, которое она создала себе сама. Княгиня поддерживала знакомство со всеми, с кем считала нужным, и все почитали за честь быть знакомыми с нею. Среди ее гостей была чета путешествовавших англичан – полковник Трэйл и его супруга, леди Грейс, а кроме них несколько итальянцев и молодой англичанин по имени Роули Флинт. С последним Мэри за время, проведенное во Флоренции, успела уже довольно коротко познакомиться. Надо заметить, он был с нею крайне предупредителен.

– Должен вам сказать, что мною сегодня просто заткнули прореху, – заявил он Мэри, поздоровавшись с ней за руку.

– Очень мило с его стороны, – ввернула княгиня. – Я пригласила Роули, когда сэр Эдгар сообщил о своем отъезде в Канны. Прибыв сюда, он отказался от приглашения в другое место.

– Вы же знаете, княгиня, чтобы иметь возможность провести вечер с вами, я откажусь от любого приглашения, – сказал Роули.

Княгиня сухо усмехнулась:

– Думаю, мне следует сказать вам, Мэри, что перед тем, как принять приглашение, он пожелал узнать в точности, кто еще здесь будет.

– Весьма лестно для нас, что Роули одобряет состав приглашенных, – заметила Мэри.

Княгиня одарила молодого человека одной из своих улыбочек, в которой угадывалась снисходительность дамы не столь уж строгих правил, никогда не забывающей о своем сомнительном прошлом и не раскаивающейся в нем, и проницательность женщины, знающей мир как свои пять пальцев и постигшей, что человеку не так-то легко казаться лучше, чем он есть на самом деле.

– Вы, конечно, ужасный шалопай, Роули, и даже внешность ваша не служит этому оправданием, однако вы нам нравитесь, – заявила княгиня.

И действительно, красотою Роули не блистал. Он был среднего роста и довольно неплохого телосложения; в смокинге же казался коренастым. Черты его лица были неправильными, зубы – белыми, но неровными, цвет лица – свежим, хотя кожа не отличалась особенной гладкостью, волосы – густыми, но не темными и не светлыми, а какого-то странного коричневатого оттенка. Цвет же глаз, красивых и больших, был бледно-голубым, однако людям они обычно казались серыми. Выражение лица Роули можно было назвать отсутствующим; недруги же утверждали, что оно хитрое. Даже самые близкие друзья этого человека признавали, что доверять ему нельзя. У него было весьма сомнительное прошлое. Едва достигнув двадцати лет, он покинул родной дом и женился на девушке, помолвленной с кем-то другим; через два года жена возбудила против него дело о разводе, обвинив в связи с замужней женщиной. Обе супружеские пары развели, но Роули потом женился не на своей любовнице, а на другой женщине, которую два-три года спустя бросил. Теперь ему шел тридцать первый год. Словом, это был молодой человек с отпугивающей репутацией, которую он безусловно заслужил. Трудно было понять, что же все-таки говорило в его пользу, и полковник Трэйл, путешествующий англичанин, высокий, худощавый, с дубленой ветрами кожей и худым красноватым лицом, на котором заметны были седая щеточка усов и дурацкая ухмылка, недоумевал: неужели княгиня пригласила его с женой, чтобы они оказались в обществе это-то окаянного хлыща?!

«По-моему, он не из тех, с кем порядочной женщине позволительно находиться в одной комнате», – сказал бы полковник, если бы ему было кому это сказать.

Когда гости заняли места за столом, полковник с радостью заметил, что, хотя жена его и оказалась рядом с Роули Флинтон, она внимала его галантным замечаниям с холодным и неодобрительным выражением лица. «Хуже всего то, что этот субъект – не авантюрист или кто-нибудь еще в этом роде, – думал Трэйл. – Он двоюродный брат моей жены, поэтому приходится относиться к нему так же, как и к остальным родственникам; к тому же у него немалое состояние. Вот если бы ему пришлось зарабатывать себе на жизнь, это, может, его и изменило бы. Что ж, в каждом стаде есть своя паршивая овца!»

Единственное, чего не мог понять полковник, – что же находили в Роули женщины? Да и трудно было ожидать от этого простодушного служаки, англичанина самых честных правил, чтобы он заметил наиболее характерную черту Роули: мужское обаяние, так называемую «сексапильность». Даже то, что в отношениях с женщинами молодой человек был необязателен и не проявлял особой щепетильности, делало его еще более неотразимым. Как бы ни была предубеждена против него женщина, ей достаточно было провести в его обществе полчаса, чтобы сердце ее смягчилось. Вскоре она уже уверяла себя, что половина из того, что о нем рассказывают, неправда. Однако если бы ее спросили, что она в нем нашла, дать ответ ей было бы затруднительно. Разумеется, он не отличался особенной красотой; в его внешности не было даже «изюминки». Его можно было принять за какого-нибудь механика из гаража, да и лучшие свои костюмы он носил, как робы, словно ему было наплевать на то, как он выглядит. Раздражало в нем обыкновение ничего не воспринимать всерьез, даже любовь; очень скоро он давал женщине понять, что ему нужно от нее лишь одно. Столь полное отсутствие у него сентиментальности было для женщин непереносимо

обидно. Но все же было в Роули то, что покоряло сразу: душевность, скрывавшаяся за грубостью его манер, трепетная теплота, замаскированная насмешкой, инстинктивное понимание женщины как существа, коренным образом отличающегося от мужчины. Это странным образом им льстило. Привлекали их и проблески ласковости в его сероватых глазах, и чувственный изгиб губ. Старая княгиня в обычной для себя грубоватой манере отзывалась о нем так: «Конечно, паршивец он негодный, но будь я на три десятка лет моложе и предложи он мне бежать с ним, я бы сделала это, ни минуты не раздумывая, даже если бы знала, что он меня через неделю бросит и разобьет мне жизнь».

Княгиня любила, чтобы за столом велся общий разговор, и, когда гости заняли места, обратилась к Мэри:

– Как жаль, что сэр Эдгар не смог приехать.

– Он тоже жалел об этом. Ему пришлось отправиться в Канны.

Вовлекая гостей в разговор, княгиня сказала:

– Сейчас я открою вам большой секрет, но прошу его не разглашать. Сэр Эдгар только что назначен губернатором Бенгалии.

– Черт возьми! – вскричал полковник. – Потрясающая должность!

– Это было для него сюрпризом?

– Он знал, что входит в число претендентов, – ответила Мэри.

– Что ж, он как раз тот человек, который им нужен, – заметил полковник. – Если он хорошо себя зарекомендует на этом посту, то не удивлюсь, если когда-нибудь его сделают вице-королем Индии.

– Не могу представить себе ничего более приятного, чем быть спутницей жизни вице-короля, – заявила княгиня.

– Почему бы вам тогда не попробовать опутать его брачными узами? – со смехом спросила Мэри.

– А разве он не женат? – удивилась леди Грейс.

– Нет, – ответила княгиня, окинув Мэри проницательным и злым взглядом. – Не стану скрывать, он усиленно флиртовал со мною все шесть недель, что здесь пробыл.

Роули ухмыльнулся и искоса глянул на Мэри из-под своих длинных ресниц.

– Ну и как, решились вы за него пойти, княгиня? Ему, горемыке, не так-то просто было бы тогда увильнуть.

– На мой взгляд, пара была бы хоть куда! – сказала Мэри.

Она прекрасно понимала, что оба они – и Роули, и княгиня – пытаются ее поддеть, но не собиралась ни о чем им рассказывать. Сэр Эдгар вел себя так, что ни у его, ни у ее друзей не оставалось ни малейших сомнений, что он в нее влюблен, и княгиня не раз уже пыталась у нее выпытать, к чему все это идет.

– Не знаю, сможете ли вы привыкнуть к климату Калькутты, – сказала княгине леди Грейс, воспринявшая все сказанное всерьез.

– О, я достигла такого возраста, в котором люди предпочитают временные трудности постоянным, – отпарировала княгиня. – Видите ли, время мне дорого, поэтому я оставила в сердце неприкосновенный уголок для Роули – тут уж, по крайней мере, ясно, что намерения другой стороны откровенно бесчестные.

Полковник состроил гримасу и стал внимательно разглядывать креветок на своей тарелке, что было совершенно излишне, поскольку их доставили из Виареджио только этим вечером. Жена его натянуто улыбнулась.

В ресторане имелся небольшой оркестрик. Музыканты, одетые в жалкие неаполитанские народные костюмы, заиграли неаполитанские песни.

Но вот княгиня объявила:

– Пожалуй, пора нам послушать певца, о котором я вам говорила. Вы будете потрясены. У него чудесный голос, страстный, густого тембра. Когда слышишь, как он тянет длинные ноты, вспоминаешь эти длиннющие итальянские макароны. Гарольд Аткинсон всерьез подумывает, не начать ли готовить его для оперной сцены. – Она подозвала метрдотеля. –

Попросите того человека, пусть он споет для нас песню, которую исполнял, когда я была у вас в последний раз.

– Мне очень жаль, ваше высочество, но его сегодня нет. Он болен.

– Какая беда! Я как раз пригласила друзей, чтобы его послушать. Весь обед затеяла ради этого.

– Он прислал замену, но тот, другой, не поет, а всего лишь играет на скрипке. Я попрошу выступить его.

– Если есть на свете что-нибудь, чего я не терплю, так это звуки скрипки, – заявила княгиня. – Никогда не понимала, почему некоторым нравится слушать, как выдеранными из конского хвоста волосами скребут по кишкам дохлой кошки.

Метрдотель бегло говорил на полдюжине языков, но не понимал ни одного из них. Он решил, что княгиня с радостью приняла его предложение, и направился к скрипачу. Тот поднялся со стула и вышел на сцену. Это был стройный темноволосый молодой человек с огромными голодными глазами и застывшим на лице меланхолическим выражением. Свой гротескный костюм, болтавшийся на его худой фигуре, словно на вешалке, он ухитрялся носить как некое романтическое одеяние. Бесстрастное лицо его было худым и заострившимся.

Он поднял скрипку и сыграл какую-то пьесу.

– Бедный мой Джованни, ваш скрипач ужасен, – сказала метрдотелю княгиня.

На сей раз он понял.

– М-да, он слабоват. Весьма сожалею, княгиня, я не знал. Завтра должен прийти наш певец.

Оркестрик заиграл очередную мелодию, и под ее аккомпанемент Роули, повернувшись к Мэри, произнес:

– Вы сегодня прекрасно выглядите.

– Спасибо.

Глаза его блеснули.

– Сказать, что мне в вас особенно нравится? Когда вам говорят, что вы красивы, вы в отличие от прочих женщин не делаете вид, что не сознаете этого. Наоборот, вы воспринимаете это как должное, словно вам сказали, что у вас на руках по пять пальцев.

– До замужества красота была моим единственным капиталом. Когда умер отец, мы с мамой вдвоем жили на ее пенсию. После окончания актерской студии я получала роли лишь благодаря своей внешности.

– Не могу отделаться от мысли, что в кино вы сделали бы прекрасную карьеру.

Она засмеялась.

– К сожалению, таланта у меня нет совершенно, одна лишь миловидность. Быть может, со временем я могла бы научиться играть, но вместо этого вышла замуж и оставила сцену.

Лицо ее слегка затуманилось – она заглянула в прошлое, что вовсе не доставило ей удовольствия. Роули тем временем любовался ее классическим профилем. Действительно, она была самой настоящей красавицей. И дело было не только в правильных чертах лица – особую прелесть придавал ей колорит.

– Знаете, вы вся – коричневая и золотая, – сказал ей Роули.

Волосы ее были цвета золота высокой пробы, глаза – карими, кожа – бледно-золотистой. Это был особый, присущий только ей колорит; он не давал ее лицу выглядеть безжизненным, что иначе непременно произошло бы, и придавал ему теплоту и одухотворенность. В результате оно казалось очаровательным.

– По-моему, вы самая красивая из женщин, которых я когда-либо встречал.

– Скольким из них вы уже это говорили?

– Довольно многим. Но это не мешает моим словам быть правдивыми.

Мэри рассмеялась.

– Может быть, и не мешает. Но не избрать ли нам другую тему разговора?

– Зачем? Я всегда считал эту тему необычайно интересной.

– Люди говорили мне, что я красива, с тех пор, как мне исполнилось шестнадцать, так что это давно уже меня не вдохновляет. Конечно, красота дает человеку немалые преимущества – глупо было бы этого не сознавать. Но она связана и с некоторыми неудобствами.

– Очень уж у вас тонкая натура.

– Вот наконец комплимент, по-настоящему для меня лестный.

– Вовсе не собирался вам льстить.

– В самом деле? Однако же в этих словах прозвучало кое-что очень знакомое. Простодушной женщине дари шляпку, красивой – книжку. Так, кажется, говорят?

Роули ничуть не смутился.

– Согласитесь, вы сегодня чересчур язвительны.

– Извините, если я вас задела. Мне хотелось лишь, чтобы вы поняли раз и навсегда: зря вы стараетесь.

– Разве вы не знаете, что я отчаянно вас люблю?

– Боюсь, «отчаянно» – не то слово. В последние несколько недель, вы вполне ясно дали мне понять, что с удовольствием бы со мною поразвлекались. Красивая и неприкаянная вдова – это в вашем вкусе. Да еще действие происходит во Флоренции.

– Так ли уж я виноват? Наверное, это естественно, что весною молодого человека обуревают мысли о любви.

Сказал он это так обезоруживающе откровенно, что Мэри невольно улыбнулась.

– Я вас и не виню. Только в отношении меня вы ошибаетесь и лишь понапрасну тратите на меня свое время.

– Ну, это пока еще вопрос спорный, правда ведь? К тому же времени у меня хватает.

– С шестнадцати лет мужчины донимали меня признаниями. Старые и молодые, красавцы и уроды – все они, похоже, думают, что я живу на свете только лишь для того, чтобы удовлетворять их вожделения.

– Вы кого-нибудь любили?

– Однажды любила.

– Кого?

– Мужа. Поэтому я за него и вышла.

На мгновение воцарилась тишина. Но вот княгиня что-то сказала, и разговор за столом снова стал общим.

Глава 3

Обед затянулся допоздна. Вскоре после одиннадцати княгиня попросила принести счет. Когда стало ясно, что гости ее уходят, к ним подошел скрипач с тарелкой в руке. Там лежало уже несколько монет и мелких банкнот, которые положили сидевшие за другими столиками посетители. Очевидно, скрипач потом должен был поделиться выручкой с оркестрантами.

Мэри открыла сумочку.

– Не беспокойтесь, – сказал Роули. – Я сам.

Достав из кармана банкноту в десять лир, он положил ее на тарелку.

– Я тоже хочу что-нибудь ему дать, – заявила Мэри и положила поверх других купюр банкноту в сто лир. Удивленный скрипач испытующе взглянул на Мэри, поклонился и отошел.

– Зачем вы это сделали? – воскликнул Роули. – Нелепый поступок!

– Он играл так плохо, и у него такой несчастный вид!

– Он сам даже этого не ожидал – так не делают.

– Да, знаю. Поэтому я так и поступила. Эти деньги, должно быть, много для него значат. Быть может, они помогут ему хоть как-то продержаться.

Итальянские гости княгини отбыли на своих роскошных автомобилях; сама же княгиня вместе с полковником и его женой села в свою машину.

– Подбросьте Роули до отеля, – сказала она Мэри. – Мне ведь совсем в другую сторону.

– Вас это не затруднит? – спросил он.

Мэри заподозрила, что все это было задумано заранее – она знала, как любила эта сластолюбивая старуха способствовать чужим любовным интрижкам, да и Роули ведь всегда был ее любимцем. Однако не было никакой возможности отказать ей в столь обоснованной просьбе. Так что Мэри ответила, что с удовольствием его подвезет.

Они с Роули сели в ее машину и поехали вдоль набережной. Полная луна, окруженная сияющим ореолом, освещала им путь. Оба почти не нарушали молчания. Молодому человеку казалось, что Мэри поглощена своими мыслями и о нем забыла, поэтому он не хотел ей мешать. Однако когда они подъехали к гостинице, где жил Роули, он сказал:

– Какая чудесная ночь! Просто обидно ложиться спать! Может, покатаемся немного по городу? Вам, надеюсь, не хочется спать?

– Нет.

– Поедем тогда в предместья.

– Не поздновато ли для этого?

– Вы опасаетесь туда ехать или боитесь меня?

– Ничего я не боюсь, – сказала она и резко рванула машину с места.

Сначала они ехали по набережной, затем дорога шла через поля, где лишь изредка то здесь, то там мелькали одноэтажные крестьянские домишки и хозяйственные постройки, среди которых в сиянии лунного света торжественно возвышались темные силуэты кипарисов.

Внезапно Роули спросил:

– Итак, вы выходите замуж за Эдгара Свифта?

Она обернулась.

– Вы что, знаете, что я сейчас о нем думала?

– Откуда мне знать?

Молодая женщина ненадолго погрузилась в размышления, потом сказала:

– Сегодня утром перед отъездом он сделал мне предложение. Я обещала дать ответ, когда он вернется.

– Значит, вы его не любите?

Мэри замедлила скорость. Казалось, ей вдруг захотелось поболтать.

– С чего вы это взяли?

– Если б вы его любили, вам не понадобилось бы думать эти три дня. Вы бы ответили ему «да» там же и в ту же минуту.

– Похоже, вы правы. Я его не люблю.

– Но он-то вас любит.

– Они с отцом были друзьями, и я знаю его с самого детства. Он был восхитительно добр ко мне. Я очень ему за это благодарна.

– Должно быть, он лет на двадцать старше вас.

– На двадцать четыре.

– Неужели вас ослепило его будущее положение в обществе?

– А почему бы и нет? Оно ослепило бы большинство женщин. В конце концов, человеческие слабости мне не чужды.

– Думаете, большое удовольствие – жить с человеком, которого не любишь?

– Не нужно мне никакой любви. Я сыта ею по горло.

Она сказала это так страстно, что Роули был поражен.

– Странно слышать подобные слова от женщины ваших лет.

Они давно уже ехали по сельской местности. Круглая луна светила с темного безоблачного неба на узкую ленту дороги. Мэри остановила машину на обочине.

– Знаете, я была без ума от моего мужа. Мне говорили, что выходить за него глупо – он картежник и пьяница, но меня это не пугало. Он так мечтал на мне жениться! В ту пору денег у него было полно, но я бы вышла за него, даже если бы у него не было ни гроша. Трудно

представить, как он в те дни был обаятелен и красив, как весел и беззаботен! Нам было так хорошо вместе! Человек он был исключительно жизнерадостный, добрый, деликатный и нежный – в трезвом виде. Если же он напивался, то начинал шуметь и хвастаться, затевал ссоры, делался груб и вульгарен. Это вызывало у меня страшное разочарование: мне было очень стыдно. Но я все равно не могла на него сердиться – он потом так извинялся! Когда мы с ним были дома, он не брал в рот ни капли спиртного; в обществе же других людей его охватывало возбуждение, а после двух-трех выпитых рюмок он вообще не знал удержу. В таких случаях я дожидалась обычно, пока его так развезет, что он позволит мне увезти себя домой и уложить в постель. Я делала все, что могла, чтобы избавить его от пристрастия к вину, но все напрасно – это было бесполезно. Не верю, что от пьянства можно вылечиться. Так что я постепенно превратилась в его преданную няньку и телохранителя. Мои попытки удержать мужа от выпивки выводили его из себя. Но что еще мне оставалось делать? Все это было для меня невыносимо тяжело – я не хотела, чтобы он смотрел на меня, как на какую-то бонну, удерживающую его от дурных поступков, но не могла же я спокойно смотреть, как он тонет в пучине пьянства! Иногда я не в силах была удержаться и осыпала его упреками. Тогда начинались жуткие скандалы. Понимаете, он был страстный игрок и в пьяном виде проигрывал сотни фунтов. Если бы он не умер, то совершенно разорился бы, и мне бы пришлось вернуться на сцену, чтобы его кормить. Мне с трудом удалось сейчас сохранить лишь пять сотен годового дохода и немного драгоценностей из числа тех, что он дарил мне после свадьбы, – это жалкие остатки того, что было. Иной раз он не возвращался домой по ночам, и тогда я знала, что он подцепил первую встречную женщину. Сперва я бешено ревновала его и страшно переживала, но потом мне стало даже казаться, что так лучше – иначе ведь он возвращался домой и занимался любовью со мной, обдавая меня запахом виски, которым был насквозь пропитан; лицо его при этом было искажено, перекошено, и я знала, что возбуждает его не страсть, а алкоголь, один лишь алкоголь. Ему было все равно, кто с ним – я или другая женщина; его поцелуи отравляли меня, а пьяная похоть меня ужасала, просто убивала. Получив удовлетворение, он сразу засыпал, оглашая дом пьяным храпом. Вас удивили мои слова, что я сыта любовью по горло, но ведь я годами привыкала к самым унижительным ее сторонам!

– Почему же вы не бросили мужа?

– Как я могла его бросить? Он все время был на моем попечении. Что бы у него ни случилось – болезнь, неприятности или что-то еще в этом роде, – за помощью он приходил ко мне. Он был привязан ко мне как ребенок. – Голос ее дрогнул. – Так привязан, что сердце мое обливалось кровью. Пусть он изменял мне, прятался от меня, чтобы пить без помех, пусть я иной раз выводила его из себя до такой степени, что он начинал меня ненавидеть, в глубине души он все равно меня любил и знал, что я никогда его не оставлю и что; если бы не я, он давно бы уже погиб. В пьяном виде он совсем терял человеческий облик; друзей у него не осталось, если не считать всякую шваль, которая выманивала у него деньги, пила за его счет и наживалась на нем. Он знал, что я – единственная в мире, кому не все равно, жив он или умер, и я понимаю, что именно я стою между ним и его окончательной гибелью. Когда он скончался у меня на руках, я почувствовала, что сердце мое разбилось.

По лицу Мэри бежали слезы, но она не обращала на это внимания. Роули, решивший, очевидно, дать ей выплакаться, сидел без движения и молчал. Потом он закурил сигарету.

– Дайте и мне одну, – сказала Мэри. – Глупо это все с моей стороны.

Он достал из портсигара сигарету и протянул ей.

– Дайте мне, пожалуйста, платок. Он в моей сумочке.

Сумочка лежала между ними на сиденье; открыв ее, чтобы взять платок, Роули с удивлением обнаружил там револьвер.

– Зачем вы носите с собой оружие?

– Эдгару не нравится, что я езжу повсюду одна. Он взял с меня обещание, что я не буду выезжать из дому без револьвера. Конечно, это совершеннейшее идиотство. – Новая тема, затронутая Роули, помогла молодой женщине собраться с мыслями. – Извините, что я так

расчувствовалась.

– Когда умер ваш муж?

– Год назад. Сейчас я думаю: хорошо, что его постигла такая судьба, иначе нас с ним ждала бы жалкая жизнь, в которой не могло быть ничего, кроме беспросветной нищеты и бесконечного страдания.

– Он умер совсем молодым, да?

– Он разбился – попал в аварию на шоссе. Напился и ехал по дороге со скоростью шестьдесят миль в час. Шел дождь, было скользко, и машину занесло. Через несколько часов его не стало. Мне повезло – я успела с ним проститься. Перед смертью он сказал мне: «Я всегда любил тебя, Мэри». – Она вздохнула: – Его гибель принесла нам обоим свободу.

Какое-то время они оба сидели молча и курили. Роули зажег еще одну сигарету от окурка первой.

– Вы уверены, что не продаете себя в рабство? Не так-то просто ведь жить в браке с человеком, которого ни во что не ставишь, – сказал он, как будто разговор об этом не прерывался.

– Вы хорошо знакомы с Эдгаром?

– За пять или шесть недель, в течение которых он околачивался вокруг вашей юбки, я видел его довольно часто. Он из тех, кого называют столпами империи. Этот тип людей мне никогда особенно не импонировал.

Мэри усмехнулась.

– На это я и не надеялась. Он – сильная натура, к тому же умен и надежен.

– Словом, обладает всеми качествами, которых я лишен.

– Неужели нельзя поговорить хоть минуту не о вас?

– Ладно. Дочитывайте список его достоинств.

– Он добр и участлив. Многого хочет достичь в жизни. Уже совершил много такого, чем можно гордиться, а в будущем совершит еще больше. Может быть, я смогу ему помочь. Боюсь, вы сочтете меня душой, если скажу: мне очень хотелось бы, чтобы от моей жизни была какая-нибудь польза.

– Не такого уж вы обо мне высокого мнения, да?

– Да, не такого уж высокого, – усмехнулась Мэри.

– Можно узнать, почему?

– Ну, если уж вы хотите это знать, извольте, – ответила она холодно. – Потому что вы аморальный и никудышный человек. Потому что в голове у вас лишь мысли о том, как бы получить от жизни как можно больше удовольствия и сбить с толку всех женщин, которые окажутся настолько глупы, что угодят в ваши сети.

– Что ж, описание, на мой взгляд, скрупулезно точное. Мне повезло, и я унаследовал состояние, после чего мне совершенно не нужно зарабатывать себе на жизнь. По-вашему, мне надо ухватиться за первую попавшуюся работу, тем самым вырвав кусок хлеба изо рта какого-нибудь голодного бедолаги, для которого работа эта – последняя надежда? Насколько я знаю, жизнь дается нам лишь однажды. И она мне ужасно дорога. Мне дарована завидная привилегия жить ради самой жизни. Какой же я был бы дурак, если бы не воспользовался удобным случаем! Я люблю женщин, и, как ни странно, они любят меня. Я молод, но знаю: молодость когда-нибудь кончится. Почему же я не должен жить как мне хочется, пока еще есть такая возможность?

– Трудно было бы найти еще хоть одного человека, до такой степени не похожего на Эдгара.

– Согласен. Но может оказаться, что со мною жить легче. По крайней мере, веселее.

– Вы забываете, что Эдгар предлагает мне брак. А вы – какое-то более эфемерное содружество.

– Почему вы так думаете?

– Прежде всего потому, что вы уже женаты.

– Вот тут-то вы и ошибаетесь. Пару месяцев назад я развёлся.

– И скрываете это от всех?

– Разумеется. Женщины все время носятся с мыслями о браке. Если же этот вопрос на повестке дня не стоит, все получается намного проще. Обе стороны знают, на что идут.

– Кажется, я понимаю вашу точку зрения, – усмехнулась Мэри. – Но зачем же вы выдали мне вашу страшную тайну? Надеялись, что ли, что я пойду навстречу вашим желаниям и доставлю вам удовольствие, а вы при благоприятном стечении обстоятельств вознаградите меня за это обручальным кольцом?

– Дорогая, у меня достаточно здравого смысла, чтобы сообразить, что вы не дура.

– Могли бы и не обращаться ко мне «дорогая».

– Черт возьми, я же делаю вам предложение!

– В самом деле?

– А что, неплохая ведь идея, правда?

– Жуткая идея. С чего это вдруг вам пришло такое в голову?

– Да как-то так, случайно. Видите ли, вы рассказывали мне о своем муже, и я вдруг понял, что вы мне страшно дороги. Это, конечно, не совсем любовь, но что-то в этом есть и от любви. Понимаете, я чувствую к вам безмерную нежность.

– Лучше бы вам не говорить мне подобных вещей. Вы самый настоящий дьявол – инстинкт, похоже, подсказывает вам слова, способные тронуть женское сердце.

– Я бы не смог их произнести, если бы перед тем их не прочувствовал.

– Ох, замолчите. Какое счастье, что у меня трезвый ум и я не лишена чувства юмора! Давайте вернемся в город. Я подвезу вас к вашему отелю.

– Надо понимать, вы мне отказываете?

– Да.

– Почему?

– Уверена, что вас это удивит, но тем не менее: я попросту вас не люблю.

– Меня это не удивляет – я это знаю. Но все изменится, если вы дадите себе хоть какой-то шанс.

– Скромный вы человек, да? Но все дело в том, что я не хочу давать себе никакого шанса.

– Вы настроились выйти за Эдгара Свифта?

– Теперь да. Спасибо, что дали мне выговориться. Трудно ведь держать все в себе. Вы помогли мне принять решение.

– Будь я проклят, если понимаю, каким образом.

– Женщина мыслит не так, как мужчина. Все, сказанное вами, и все, сказанное мной, воспоминания о жизни с мужем, все мои невзгоды и разочарования, – обо всем этом поможет мне забыть Эдгар. Он силен и надежен, стоит крепко, как скала. Я знаю, что могу на него положиться, он меня не подведет – на это он просто не способен. То, что он мне предлагает, – это безопасность. Сейчас я чувствую такую к нему привязанность, что она граничит с любовью.

– Шоссе очень узкое, – сказал Роули. – Если хотите, я сяду за руль.

– Нет уж, спасибо. Я вполне способна сама вести свою собственную машину, – ответила молодая женщина.

Его слова на мгновение вывели ее из себя не потому, что он усомнился в ее способности управиться с машиной, а из-за того, что все приведенные ею причины намечавшегося брака почему-то показались ей неубедительными.

Роули усмехнулся:

– С одной стороны яма, с другой – канава. Я буду очень недоволен, если вы вывалите меня в ту или в другую.

– Придержите, наконец, ваш проклятый язык.

Роули зажег сигарету, закурил и стал наблюдать, как Мэри проехала чуть вперед, затормозила, затем изо всех сил крутанула баранку, снова провела машину немного вперед, еще раз затормозила и дала задний ход, в результате чего машина понемногу стала ползти

назад. Мэри вся покрылась испариной, но вывела наконец автомобиль с этой полосы препятствий. Они двинулись в обратный путь. До самого отеля ехали молча. Было уже поздно, и дверь была закрыта. Роули не продемонстрировал ни малейшего желания выйти из машины.

– Приехали, – сказала Мэри.

– Вижу.

Несколько мгновений он сидел молча и глядел в одну точку перед собой. Молодая женщина бросила на него вопрошающий взгляд, и Роули с улыбкой повернулся к ней.

– Глупышка вы, дорогая моя Мэри. О, я, конечно, понимаю: мне вы дали от ворот поворот. Хорошо, пусть так. Хотя рискну предположить, что из меня вышел бы неплохой муж, лучше, чем вы думаете. Но выходить замуж за человека, который на четверть века старше вас – это глупость. Сколько вам лет? На вид тридцать. К тому же вы ведь не холоднокровное животное. Стоит только взглянуть на ваши губы, обратить внимание на блеск ваших глаз, на вашу фигуру, чтобы понять: вы женщина страстная, чувственная. Да, помню, вы пережили это проклятое потрясение. Но в вашем возрасте от этого не умирают, а, наоборот, поправляются. Вы снова обретете способность любить. Неужели вы считаете, что можно так вот просто махнуть рукой на свою чувственность? Ваше тело совершенно и создано для любви, оно не позволит вам пренебречь этим. Вы слишком молоды, чтобы запереться в келье, укрываясь от жизни.

– Вы вызываете у меня отвращение, Роули. По-вашему, постель – это цель нашей жизни, ее квинтэссенция.

– У вас никогда не было любовника?

– Никогда.

– Но в вас ведь, наверное, были влюблены многие мужчины, не только муж?

– Трудно сказать. Некоторые говорили, что любят меня. Вряд ли вы сможете понять, как мало они для меня значили. Не могу сказать, что я устояла перед искушением – меня просто никто не искушал.

– Ох, как вы могли так бездумно расточать свою молодость и красоту? Они ведь даются нам так ненадолго! Какой нам прок от нашего достояния, если мы им не пользуемся? Вы добрая великодушная женщина. Неужели у вас не возникло желания одарить кого-нибудь от щедрот своих?

Мэри несколько мгновений молчала.

– Сказать вам одну вещь? Боюсь только, вы будете считать меня еще более глупой, чем я есть на самом деле.

– Очень может быть. Но все равно скажите.

– Нелепо было бы закрывать глаза на то, что я более привлекательна, чем многие женщины. Действительно, иногда я чувствую, что могла бы многое дать человеку, которому это было бы нужно. Мои слова звучат, наверное, чересчур самонадеянно?

– Нет. Это чистая правда.

– В последнее время у меня было много досуга. Признаюсь, я посвятила его праздным размышлениям. Если бы у меня когда-нибудь появился любовник, им никогда не оказался бы человек вашего типа. Бедный мой Роули, вы кажетесь мне наименее подходящим для этого из всех мужчин. Но иногда меня посещает мысль, что, если бы я встретила человека одинокого, несчастного, неимущего, не познавшего житейских радостей из-за отсутствия денег, и если бы я смогла помочь ему испытать единственное в своем роде переживание, подарить ему минуты полного счастья, о котором он даже не мечтал и которое никогда не повторилось бы, – о, тогда я с радостью отдала бы ему все!

– Никогда в жизни не слышал более безумной идеи! – воскликнул Роули.

– Ну вот, теперь вы знаете, о чем я думаю, – с улыбкой сказала она, – Теперь вылезайте из машины и пустите меня домой.

– Ничего, что вы поедете одна?

– Ничего страшного, доеду.

– Тогда спокойной вам ночи, Мэри. Выходите за вашего столпа империи, и пусть ваша жизнь катится к черту.

Глава 4

Мэри ехала по улицам Флоренции, избрав тот же путь, по которому прибыла в город. В предместье дорога шла вверх по холму, на вершине которого стояла вилла. Холм был крутой, и шоссе петляло по его склону. На полпути к вершине была небольшая полукруглая терраса, где рос высокий старый кипарис. Обрыв был огорожен парапетом; отсюда открывался вид на собор и башни Флоренции. Ночь была так прекрасна, что Мэри, поддавшись искушению, остановила машину и вышла. У парапета она остановилась и стала смотреть на город. Взгляду ее открылась долина, затопленная лунным светом, оттененным чернотой бесконечных просторов безоблачного неба. Это было так красиво, что сердце молодой женщины начала щемить пульсирующая боль.

Внезапно Мэри заметила, что в тени кипариса стоит мужчина. Виден был даже огонек его сигареты. Мужчина направился к ней. Она немного испугалась, но постаралась, чтобы это не было заметно.

Мужчина снял шляпу.

– Извините, не вы ли та дама, которая так щедро вознаградила меня в ресторане? – спросил он. – Мне хочется еще раз вас поблагодарить.

Она наконец его вспомнила.

– Вы – тот самый скрипач.

На сей раз он был одет не в нелепый неаполитанский костюм, а в какое-то неописуемое одеяние, изношенное и грязное. По-английски он говорил неплохо, но с явным иностранным акцентом.

– Мне нечем было платить хозяйке за комнату и за еду. Люди, у которых я живу, относятся ко мне хорошо, но они бедны и нуждаются в деньгах. Теперь – я смогу с ними расплатиться.

– Что вы здесь делаете?

– Любуюсь видом. А вообще-то я шел домой.

– Значит, вы живете где-то поблизости?

– В одном из соседних с вашей виллой домов.

– Как вы узнали, где я живу?

– Видел, как вы въезжали туда на машине. Говорят, у вас там роскошный сад, а в самом здании фрески.

– Вы там были?

– Нет, что вы! Мне рассказывала об этом хозяйка.

Мэри успела уже совсем успокоиться. Собеседник ее был учтивым, даже робким молодым человеком; она вспомнила, как неловко он держался в ресторане.

– Хотите взглянуть на сад и фрески? – спросила она его.

– Это доставило бы мне большое удовольствие. Когда вам будет удобно меня принять?

Роули со своим неожиданным предложением руки и сердца позабавил Мэри и даже взволновал ее, так что ей совершенно не хотелось спать.

– Почему бы не сейчас? – сказала она, повинувшись минутному побуждению.

– Сейчас? – удивленно переспросил юноша.

– А почему бы и нет? Сад в полнолуние так красив!

– Буду вам весьма благодарен, – как-то принужденно сказал он.

– Тогда садитесь в машину. Я вас довезу.

Молодой человек сел рядом с Мэри. Она завела мотор, и они поехали по шоссе в гору. Невдалеке показалась группа небольших домишек.

– Здесь я живу, – сказал молодой человек.

Мэри чуть сбавила скорость и задумчиво взглянула на эти убогие приюты нищеты. Вид

у них был до крайности жалкий. Но вот они остались позади, и машина подъехала к воротам виллы. Они оказались открытыми, так что Мэри направила автомобиль прямо на ведущую к дому аллею.

Припарковав машину, она в сопровождении своего спутника пошла по узкой дорожке к дому. Большая часть комнат, в том числе и спальня Мэри, была на втором этаже. Туда вела красивая лестница. Мэри открыла дверь и включила свет. В холле смотреть было особенно не на что, и она повела молодого человека прямо в гостиную, стены которой и были расписаны фресками. Это было красивейшее помещение, и хозяева виллы обставили его прекрасной старинной мебелью эпохи Возрождения. Цветы во внушительного размера вазах несколько смягчали впечатление, производимое на посетителей суровой красотой этой комнаты. Фрески в некоторых местах были повреждены и не слишком умело реставрированы, но изображенные на них фигуры в одеждах шестнадцатого века были величавы и, казалось, полны жизненных сил.

– О, какая прелесть! Просто изумительно! – воскликнул молодой человек. – Странно видеть такое не в музее. Не думал, что подобные шедевры могут быть достоянием частных владельцев.

Его восторг немного смутил Мэри. Она решила не говорить гостю, что на всей вилле не было ни единого кресла, в котором можно было бы удобно расположиться, или что мраморные полы и высокие сводчатые потолки заставляли здешних обитателей дрожать от холода в любую погоду, если только на улице не стояла страшная жара.

– И все это принадлежит вам? – спросил молодой человек.

– Не мне, моим друзьям. Они пригласили меня здесь погостить, а сами уехали.

– О, простите. Вы так прекрасны, что вам по праву должны принадлежать все красивые вещи.

– Пойдемте со мною, – сказала Мэри. – Я хочу предложить вам стакан вина, а затем мы с вами поглядим на сад.

– Спасибо, но я не обедал. Боюсь, вино ударит мне в голову.

– Почему вы не обедали?

Он как-то беззаботно, по-мальчишески рассмеялся:

– У меня не было денег. Вы не беспокойтесь – я пообедаю завтра.

– Но ведь это ужасно! Пойдемте на кухню, я взгляну, нельзя ли вас чем-нибудь накормить.

– Я не голоден. К тому же есть нечто более важное, чем еда. Покажите мне ваш сад при лунном свете.

– Сад никуда не денется, да и луна тоже. Я сейчас приготовлю вам ужин, а потом любуйтесь всем, чем пожелаете.

Они прошли на кухню. Это была огромная комната с каменным полом и огромной старинной кухонной плитой, на которой можно было приготовить еду на полсотни гостей. Нина и Чиро давно уже спали, а кухарка ушла домой, в свою хибару на склоне холма, ниже виллы. Мэри и ее гость, рыскавшие в поисках еды, чувствовали себя грабителями. Они нашли хлеб, вино, масло и бекон. Мэри включила электрическую печь, которую установили здесь нынешние хозяева виллы, и поджарила несколько ломтиков хлеба, а затем стала готовить яичницу.

– Отрежьте несколько ломтиков бекона, – скомандовала она молодому человеку. – Мы добавим их к яичнице. Кстати, как вас зовут?

Держа в одной руке бекон, а в другой нож, он щелкнул каблуками и представился:

– Карл Рихтер, студент. Изучал искусствоведение.

– О, я думала, вы итальянец, – сказала она непринужденно разбивая ножом яйца. – Ваше имя похоже на немецкое.

– Я австриец, вернее, был им, пока существовала Австрия.

Это было сказано столь печальным голосом, что Мэри бросила на молодого человека вопрошающий взгляд.

– Откуда же вы знаете английский? Вы бывали в Англии?
– Нет. Я учил язык в школе, а потом в университете. – Он вдруг рассмеялся: – Как здорово, что вы умеете это делать!
– Что именно?
– Готовить.
– Может, вас это удивит, но я выросла в обычной, ничем не примечательной семье и не только училась готовить, но и постоянно применяла свое умение на практике.
– Верится с трудом.
– Вам приятнее вместо этого думать, что я всю жизнь жила в роскоши, окруженная целым штатом заботливых слуг?
– Да. Как принцесса из волшебной сказки.
– Что ж, пусть так. Будем считать, что я умею готовить яичницу и жарить бекон, потому что это одно из качеств, дарованных мне моей крестной-феей.

Когда ужин был готов, они поставили тарелки на поднос, и молодой человек понес его в столовую. Мэри шла впереди, показывая дорогу. Столовая была большая, с расписным потолком, гобеленами на стенах и большими позолоченными деревянными канделябрами. Мэри и ее гость расположились в роскошных высоких креслах друг против друга за обеденным столом.

– Мне так стыдно за мою убогую и ветхую одежду, – улыбнулся молодой человек. – В этой роскошной комнате надо быть одетым в великолепные шелка или в бархат. Как кавалеры на какой-нибудь старинной картине.

Его костюм был изношен, ботинки явно перебивали в руках многих сапожников, открытая у ворота рубашка была обтрепана. Галстука молодой человек не носил. При свете свечей в канделябрах глаза его казались черными, бездонными; голова была какой-то странной формы, а волосы очень коротко острижены. Скулы на его лице выступали вперед, а щеки, наоборот, запали; кожа отличалась бледностью. Читавшаяся на лице усталость придавала ему весьма трогательный вид. Мэри подумала, что, если одеть молодого человека в живописный костюм – ну, скажем, как у одного из юных князей на какой-нибудь картине Бронзино¹ из галереи Уффици, – он мог бы казаться красивым.

– Сколько вам лет? – спросила она.
– Двадцать три.
– Тогда все неприятности должны казаться вам пустячными.
– Что толку от юного возраста, когда человек лишен надежд на будущее? Я живу в темнице, из которой мне не вырваться.
– Ну а музыкой вы занимаетесь не профессионально?

Он засмеялся:

– Вы задаете мне такой вопрос после того, как слышали мою игру? Разумеется, я не скрипач. Удрал из Австрии, я устроился работать в отель, но хозяева начали прогорать и кое-кого уволили, в том числе меня. Мне удавалось еще пару раз ненадолго устраиваться на случайную работу – это так трудно, особенно иностранцу, да еще не имеющему документов! На скрипке я играю, когда представляется случай, – зарабатываю себе на пропитание. Надо сказать, это случается довольно редко.

– Почему вам пришлось бежать из Австрии?
– Некоторые студенты были недовольны аншлюсом. Мы попытались создать организацию сопротивления. Конечно же с нашей стороны это было глупо. Просто бессмысленно. Единственным результатом этой затеи было то, что двоих из нас расстреляли, а остальных отправили в концлагерь. Срок мне дали небольшой – полгода, но я бежал, перешел через Альпы и попал в Италию.

– Ваша история просто ужасна, – отозвалась Мэри. Слова эти вряд ли были уместны в данном случае, но ничего лучшего ей в голову не пришло. Он ответил с иронической усмешкой:

¹ Бронзино Анджело (1503–1572) – итальянский живописец, представитель маньеризма.

– Я, знаете ли, не единственный человек, которого постигла подобная участь. Таких, как я, сейчас тысячи, десятки тысяч. Я-то хоть на свободе.

– Но что вы думаете делать дальше?

На лице молодого человека изобразилось отчаяние. – Он хотел было ответить, но потом вдруг нетерпеливо махнул рукой и рассмеялся.

– Не заставляйте меня думать об этом сейчас. Позвольте мне насладиться драгоценными мгновениями, проведенными в вашем обществе. За всю жизнь со мною ни разу не случилось ничего подобного. Я хочу насладиться моим счастьем и, что бы ни произошло со мной потом, всегда буду помнить этот вечер. Это воспоминание станет одним из самых дорогих моих сокровищ.

Мэри бросила на него какой-то странный взгляд, и ей показалось, что она слышит глухие удары своего сердца. То, что она сказала Роули, было скорее шуткой – она знала, что, если подобный момент настанет, досужие мечтания развеются и она не решится на подобный поступок, в последний момент в страхе отпрянет. Не настал ли сейчас такой момент? Ее охватило необычайно беспечное настроение. Пила она, как правило, совсем немного, и выпитое за компанию с молодым человеком крепкое красное вино ударило ей в голову. Было нечто таинственное, волнующее кровь в этом уединении с юношей, у которого было такое трагическое лицо. Да и обстановка была соответствующая: огромную комнату, казалось, заполнили в этот полночный час тени прошлого вместе с теплым, напоенным пряными ароматами воздухом, проникавшим сюда через открытое окно. Мэри ощущала какое-то томление, сменившее бывшее возбуждение; сердце, казалось, млело в ее груди, но в то же время кровь с бешеной скоростью бежала по жилам. Молодая женщина резко встала из-за стола.

– Пойдемте я покажу вам сад, а потом мы с вами простимся.

Выйти в сад удобнее всего было через гостиную с фресками. Туда они и направились. По дороге молодой человек задержался, чтобы осмотреть стоявший у стены красивый ларь; потом он заметил поблизости граммофон.

– Как странно он выглядит среди старинных вещей!

– Я иногда включаю его, когда сижу одна в саду.

– А можно включить его сейчас?

– Пожалуйста, если вам хочется.

Он повернул ручку. На пластинке, как оказалось, был записан вальс Штрауса. У молодого человека вырвался возглас восторга.

– О, Вена!.. Это один из наших дивных венских вальсов!

Он смотрел на Мэри сияющими глазами, лицо его преобразилось. Интуиция подсказала молодой женщине, о чем он хотел, но не решался ее попросить. Она улыбнулась ему:

– Вы танцуете?

– О да, конечно. Я танцую лучше, чем играю на скрипке.

– Сейчас проверим.

Он обхватил ее за талию, и в мертвой тишине ночи, посреди роскошной полупустой комнаты они закружились в вальсе под чарующие звуки музыки старого венского капельмейстера. Потом Мэри взяла молодого человека за руку и вывела в сад. При ярком дневном свете сад этот казался каким-то заброшенным, подобно любвеобильной женщине, утратившей былую красоту; сейчас, однако, залитый лунным светом, падавшим на аккуратно подстриженные живые изгороди и многовековые деревья, освещавшим грот и зеленые лужайки, сад выглядел таинственным и трепетным. Ход времени, казалось, незаметно повернул вспять, и, бродя по дорожкам, вы чувствовали себя обитателем внезапно вновь ставшего юным, даже первозданным мира, в котором властвуют безрассудные инстинкты, а о последствиях своих поступков никто не думает. В ночном воздухе были разлиты ароматы белых ночных цветов.

Мэри с юношей шли по дорожке молча, держась за руки. В саду дышалось легко.

– Как здесь прекрасно, – прошептал наконец молодой человек. – Почти невыносимо

прекрасно. – Тут он процитировал известную фразу из гетевского «Фауста», в которой мятущийся герой, обретя в конце концов блаженство, просит мгновение остановиться. – Как вы здесь, должно быть, счастливы!

– Да, счастлива, – ответила она с улыбкой.

– Рад за вас. Вы добрая, хорошая, великодушная. Вы заслужили свое счастье. Хотелось бы мне думать, что у вас есть все, чего вам хочется.

Она усмехнулась:

– Во всяком случае, есть все, что мне полагается.

Он вздохнул:

– Хотел бы я умереть этой ночью. В моей жизни, должно быть, не произойдет уже больше ничего до такой степени чудесного. Я всегда буду вспоминать этот вечер, вашу красоту и этот волшебный сад. Всегда буду думать о вас, как о сошедшей с небес богине. Стану молиться на вас, как молятся мадонне.

Он взял ее руку, поднес ее к своим губам, затем, каким-то неуклюжим движением склонив голову, поцеловал Мэри. Она нежно коснулась его лица. Внезапно он упал на колени и стал целовать край ее платья. Ее охватило неудержимое возбуждение. Обхватив ладонями его голову, она притянула ее к своей и поцеловала его веки, затем губы. Было в этом что-то торжественное, даже мистическое. Мэри испытывала незнакомое чувство: сердце ее переполнилось нежностью, почти любовью.

Молодой человек встал с колен и страстно ее обнял. Ему было двадцать три. Она была не богиней, которой надо поклоняться, а земной женщиной, которую можно сделать своей.

Они вдвоем вернулись в объятый молчанием дом.

Глава 5

Свет в комнате не горел, но окна были распахнуты, и внутрь лился лунный свет. Мэри сидела в старинном кресле с прямой спинкой; молодой человек устроился у ее ног, голова его покоилась на ее коленях. Он курил сигарету, и в полутьме пылал яркий красный огонек.

Мэри расспросила юношу, и он рассказал, что отец его возглавлял полицию одного маленького австрийского городка в годы правления Дольфуса и неукоснительно боролся с беспорядками и бунтами, частыми в те бурные времена. Когда после убийства прежнего канцлера правительство возглавил Шушник, решительность и твердость духа начальника полиции помогли ему удержаться на своем посту. Он был сторонником реставрации эрцгерцога Отто, поскольку не сомневался, что только это может спасти любимую им пламенной любовью Австрию от присоединения к Германии. Все три последующих года он жестоко преследовал местных нацистов, пытаясь обуздать их изменническое рвение, чем заслужил их бешеную ненависть. В злополучный день, когда немецкие войска оккупировали беззащитную маленькую страну, он выстрелил себе из револьвера прямо в сердце. Юный Карл, его сын, к тому времени почти успел окончить университет. Специальностью его была история искусств, но он мечтал преподавать в школе. Что мог он сделать в тот ужасный день? Лишь стоять среди толпы на улице Линца и, скрывая гнев и возмущение, слушать речь, которую с балкона ратуши произносил Гитлер после своего триумфального въезда в город. Австрийцы надсаживали глотки, выкрикивая славословия в адрес человека, завоевавшего их родину. Энтузиазм их вскоре поугас, сменившись разочарованием, и, когда некоторые смельчаки собрались, чтобы организовать тайный союз для сопротивления иностранным захватчикам, желающих вступить в него оказалось много. Они устраивали сходки, как им казалось, тайные; соблюдали конспирацию, но так неумело, что толку от нее не было никакого. Они были всего лишь мальчишками, все до единого, и никому даже и в голову не приходило, что каждый их шаг, каждое слово становились известны гестапо. В один прекрасный день их всех арестовали. Двоих расстреляли сразу, чтобы напугать остальных, которых отправили в концлагерь. Среди последних был и Карл. Ему, впрочем, через три месяца удалось бежать и по счастливой случайности даже пересечь границу, после чего он

попал в Итальянский Тироль. У него не было ни паспорта, ни каких-либо других документов – все это отобрали у него в лагере; так что он все время жил под угрозой ареста, за которым могло последовать либо заключение в тюрьму за бродяжничество, либо высылка в Германию, где его ожидала жестокая кара.

– Если бы только мне хватило денег, чтобы купить револьвер, я бы застрелился, как отец.

Он взял руку Мэри и приложил к своей груди.

– Выстрелил бы вот сюда, между четвертым и пятым ребром. Как раз где твои пальцы.

– Не надо говорить такое, – воскликнула она, вся передернувшись, и вырвала у него свою руку.

Он невесело усмехнулся.

– Ты не знаешь, сколько раз я глядел на воды Арно и думал, что скоро уже должно настать время, когда мне не останется ничего другого как в них броситься.

Мэри глубоко вздохнула. Судьба явно обошлась с ним так жестоко, что любые слова утешения были бы напрасны. Он сжал ее руку.

– Не надо вздыхать, – произнес он нежно. – Я теперь ни о чем не жалею. Эта чудесная ночь искупила все.

Они замолчали. Мэри думала о его несчастной жизни. Да, у него нет никакого выхода. Чем может помочь ему она? Дать ему денег? Быть может, они на какое-то время его выручат, но что дальше? Он ведь романтическая натура, его высокопарная, вычурная манера разговаривать выдает человека, знакомого больше с книгами, чем с жизнью, невзирая на все выпавшие на его долю страшные испытания. К тому же очень возможно, что он от нее ничего не примет.

Внезапно где-то вдали раздался крик петуха. Звук этот так грубо нарушил ночную тишину, что Мэри вздрогнула и снова отняла у юноши свою руку.

– Тебе надо идти, милый, – сказала она.

– Подожди! – воскликнул он. – Позволь побыть еще немного, любимая.

– Скоро рассвет.

– Еще не скоро. – Он опустился на колени и обнял ее ноги. – Я тебя обожаю.

Мэри высвободилась из его рук.

– Послушай, тебе действительно пора идти. Уже так поздно! Ну пожалуйста.

Она скорее почувствовала, чем увидела, что на губах его появилась ласковая улыбка. Он встал и огляделся в поисках своего пиджака и ботинок. Мэри включила свет. Одевшись, молодой человек снова обнял ее.

– Моя красавица, – прошептал он, – ты подарила мне такое счастье!

– Я рада.

– Ты дала мне то, ради чего стоит жить. Теперь у меня есть ты и, значит, есть все. Не хочу даже думать о будущем. Жизнь не так уж непроглядно черна; что-нибудь да изменится к лучшему.

– Ты не забудешь то, что было?

– Никогда.

Мэри подняла голову и поцеловала его в губы.

– Тогда до свидания.

– А когда же будет это свидание? – страстно шепнул ей он.

Она снова высвободилась из его рук.

– До свидания, которого не будет никогда. Я очень скоро уезжаю, милый, дня через три-четыре. – Ей трудно было выговорить то, что она считала нужным сказать. – Мы больше не сможем видеться. Понимаешь, я не свободна.

– Разве ты замужем? Мне говорили, ты вдова.

Можно было, конечно, солгать. Она так и не поняла, что ее от этого удержало и заставило уклониться от прямого ответа.

– Что, по-твоему, я имела в виду, когда сказала, что не свободна? Говорю тебе, больше

встречаться нам никак нельзя. Ты же не захочешь разбить мне жизнь?

– Но мне просто необходимо еще с тобою увидеться. Хотя бы раз, один лишь раз. Иначе я погибну.

– Милый, не будь таким неразумным. Еще раз говорю тебе: это невозможно. Мы с тобой должны сейчас проститься раз и навсегда.

– Но ведь я люблю тебя! Неужели ты меня не любишь?

На какое-то мгновение ею овладела нерешительность. Она не хотела быть с ним жестокой, но подумала, что сейчас, именно сейчас настало время сказать ему правду. Она покачала головой и слегка улыбнулась:

– Нет, не люблю.

Он уставился на нее, как будто не понял ее слов.

– Зачем же ты тогда привела меня к себе?

– Ты был так одинок и несчастен. Мне захотелось подарить тебе несколько счастливых минут.

– О, как это жестоко! Как нечеловечески жестоко!

Голос его сорвался.

– Не говори так. Я не хотела быть жестокой. Сердце мое было полно нежности. Я очень тебя жалела.

– Не нужна мне твоя жалость. Лучше бы ты оставила меня в одиночестве. Ты возвела меня на небо, а теперь пытаешься сбросить на землю. Я не хочу этого! Нет, нет и нет!

Когда он выпалил эти слова, ей показалось даже, что он стал выше ростом. В унижении, которому он подвергся, было что-то трагическое. Это произвело на нее сильное впечатление. Ей не приходило в голову, что он так все это воспримет.

– Наверное, я очень глупо себя вела, – сказала она. – Я не хотела тебя обидеть.

В глазах его больше не светилась любовь; по ним можно было догадаться, что его обуревают гнев, который он пытается в себе подавить. Бледное лицо молодого человека стало еще бледнее и напоминало теперь лик смерти. Мэри забеспокоилась. Сейчас она уже понимала, что сделала глупость. Слуги спали в другом крыле дома, и, если бы даже она закричала, никто бы ее не услышал. О, какая же она была дура! Оставалось лишь собраться с мыслями и не показать ему своего испуга.

– Я очень виновата, – нерешительно проговорила она. – Не хотела я задеть твои чувства. Если я могу что-нибудь для тебя сделать, чтобы исправить свою ошибку, с радостью это сделаю.

Он угрюмо хмыкнул.

– Интересно, что ты имеешь в виду. Деньги мне предлагаешь, что ли? Не нужны мне твои деньги. Да и много ли их у тебя здесь есть?

Мэри взяла с туалетного столика сумочку и, засунув в нее руку, вдруг нащупала револьвер. Это ее испугало. Она ни разу в жизни не пользовалась огнестрельным оружием. О, глупо, конечно, думать, что дело дойдет до этого. Но на крайний случай револьвер, слава Богу, под рукой. Милый Эдгар! В конце концов, не такой уж он старый осел. Молнией мелькнула неожиданная мысль о том, что Эдгар отнюдь не имел в виду подобную ситуацию, когда настаивал на том, чтобы она брала с собой оружие. Даже в такую критическую минуту мысль эта ее позабавила, и она собралась с духом.

– Здесь у меня не то две, не то три тысячи лир. Этого тебе хватит, чтобы добраться до Швейцарии. Там ты будешь в большей безопасности, чем здесь. Поверь мне, эта сумма меня не разорит.

– Конечно, она тебя не разорит. Ты же богата, правда? Достаточно богата, чтобы заплатить за ночь удовольствий. Ты всегда платишь своим любовникам? Неужели ты думаешь, что мне нужны деньги? Если бы было так, я бы не удовлетворился твоими жалкими лирами, а взял бы жемчуга и браслеты, которые ты носишь.

– Бери, если хочешь. Драгоценности для меня не так уж много значат. Они на туалетном столике. Можешь их забрать.

– Порочная ты женщина! Неужели ты до такой степени развращена, что считаешь любого мужчину способным продаться за деньги? Глупая ты, глупая, если бы деньги для меня так много значили, неужели я не поладил бы с нацистами? Неужели стал бы изгнанником? Голодал бы?

– Господи Боже, что же ты меня все никак не понимаешь? Я хотела сделать тебе добро, а ты все думаешь, что я причинила тебе зло. Если я тебя обидела, заставила тебя страдать, прошу: прости меня. Я желала тебе лишь добра.

– Лжешь! Ты праздная, порочная, никчемная женщина. Интересно, сделала ты хоть что-то хорошее в жизни? Ты ищешь новых ощущений, они тебя возбуждают, не дают скучать. Тебя совершенно не волнует, что ты наносишь другому рану. Но на этот раз ты ошиблась. Рискованно приглашать в дом незнакомого мужчину. Я считал тебя богиней, а ты просто потаскуха. Хорошо бы придушить тебя, чтобы ты не издевалась над другими, как надо мной. А кстати, мне ничто не мешает это сделать, и ты сама это понимаешь. Кто меня потом заподозрит? Кто видел, как я входил в этот дом?

Он шагнул к ней. Ее охватила паника. Вид у него был злобный, угрожающий, изможденное лицо исказилось от ненависти, в глубоко посаженных глазах мерцало тусклое пламя. Мэри с усилием преодолела оцепенение. В руках она все еще держала сумочку; выхватив из нее револьвер, она направила его на молодого человека.

– Уходи немедленно, не то я выстрелю! – вскричала она.

– Ну и стреляй!

Он сделал к ней еще один шаг.

– Еще одно движение, и я тебя застрелю!

– Застрели! Думаешь, жизнь хоть что-то для меня значит? Ты сбросишь с моих плеч тяжчайшее бремя. Стреляй! Стреляй – и я прощу тебе все! Я люблю тебя!

Он еще раз переменялся в лице. Черты его больше не были искажены злобой и гневом, в больших черных глазах блеснул восторг. Молодой человек шагнул к Мэри, запрокинув голову назад, широко раскинув руки и подставляя грудь под дуло револьвера.

– Потом можешь сказать, что к тебе забрался вор и ты его застрелила. Ну, давай же, быстро!

Револьвер выпал из ее рук; она бросилась в кресло, закрыла лицо руками и бурно зарыдала. Юноша несколько мгновений смотрел на нее.

– Да, не хватает тебе мужества, так ведь? Бедная дурочка! Как же ты глупа, как ужасно глупа! Не надо тебе играть с мужчинами в такие игры, как со мною. Ну, иди сюда!

Он обхватил ее руками и попытался поднять с кресла. Она не поняла, чего он от нее хочет, и, все еще захлебываясь рыданиями, вцепилась в ручки кресла. Молодой человек сильно ударил ее по руке, и она, вскрикнув от боли, инстинктивно разжала пальцы. Тогда он быстрым движением поднял ее в воздух, понес через всю комнату и грубо швырнул на кровать. Бросившись на постель рядом с нею, он обхватил молодую женщину руками и стал покрывать поцелуями ее лицо. Она попыталась вырваться, но он держал ее крепко. Он был силен, гораздо сильнее, чем казался со стороны, и Мэри чувствовала себя, беспомощной в его руках. Наконец она перестала сопротивляться...

Через несколько минут он встал. Она лежала на кровати, совсем обессиленная. Молодой человек стоял возле кровати и смотрел на Мэри.

– Ты просила не забывать тебя. Я-то забуду, но ты – не сможешь.

Она не шелохнулась и только смотрела на него испуганными глазами. Он издал негромкий хриплый смешок:

– Не бойся. Тебе я ничего не сделаю.

Мэри не ответила. Не найдя в себе сил выдержать его гневный и жестокий взгляд, она смежила веки. Ей было слышно, как юноша тихо прошел по комнате. Вдруг раздался оглушительный хлопок и затем звук падения тела. Молодая женщина вскрикнула от испуга и вскочила с кровати.

– Господи, что ты наделал?

Юноша лежал у окна, и лунный свет лился на его лицо. Она бросилась на колени рядом с ним и стала звать его по имени:

– Карл! Карл! Что же ты наделал!

Она взяла его за руку, но когда отпустила ее, та с глухим стуком упала на пол. Тогда Мэри приложила ладонь к его лицу и к груди. Он был мертв. Она откинулась назад и с ужасом глядела на тело. Разум отказывался ей повиноваться. Она не знала, что делать. У нее закружилась голова, и она в испуге подумала, что сейчас потеряет сознание.

Вдруг она вздрогнула – послышались шаги в коридоре, шаги босых ног; потом они смолкли, и Мэри поняла, что кто-то стоит за дверью и прислушивается. Она в панике уставилась на дверь. Раздался негромкий стук. Мэри болезненно вздрогнула и лишь из последних сил сдержала подступавший к устам вопль ужаса. Она сидела на полу; неподвижность ее была сродни неподвижности мертвого тела у ее ног. Стук повторился. Она заставила себя откликнуться.

– Кто там?

– С вами все в порядке, синьора? – То был голос Нины. – Мне показалось, я слышала какой-то шум.

Мэри стиснула пальцы в кулак с такой силой, что ногти вонзились в ладонь, и заставила себя сказать как ни в чем не бывало:

– Тебе, наверное, почудилось. Я ничего не слышала. Иди спать.

– Хорошо, синьора.

На какое-то время все стихло, потом снова послышались шаги босых ног по полу, на этот раз удалявшиеся... Мэри повернула голову на этот звук. Ей казалось, что она видит идущую по коридору служанку, как будто у нее появилась способность пронзать взглядом стену. Ответила Нине она как-то машинально, желая получить передышку, чтобы собраться с мыслями. Молодая женщина глубоко вздохнула и затем подумала: надо что-то делать. Склонившись над телом, она еще раз на него посмотрела и содрогнулась. Потом она выпрямилась, подхватила тело под мышки и попыталась подтащить его к окну, чтобы выбросить на улицу. Едва ли она сознавала, что делает; скорее, просто повиновалась импульсивному побуждению как-то удалить труп из комнаты. Однако он оказался очень тяжелым. У Мэри вырвался болезненный вздох – она почувствовала себя всеми покинутой и даже не в состоянии была теперь думать, что делать дальше. Потом вдруг ей пришло в голову, что отсылать Нину было чистейшей воды, безумием. Почему она заявила служанке, что все в порядке, когда в комнате лежал мертвец? Как ей теперь это объяснить? Зачем было ей говорить, что она ничего не слышала, если в ее комнате застрелился человек? Мысли об ужасе ее положения вихрем кружились в ее голове. Мысли о позоре. О всеобщем осуждении, которому она подвергнется. Что ей ответить, если ее спросят, почему он покончил с собой? Единственный выход для нее – сказать правду, но правда была ужасна. Как страшно было находиться в этой комнате одной и не иметь рядом никого, кто мог бы ей помочь, подсказать что делать! В безумной растерянности она почувствовала, что должна с кем-то посоветоваться. Помощь – вот что ей нужно. Да-да, помощь. От кого? От Роули! То был единственный человек, которого она могла об этом попросить. Мэри не сомневалась: если она позовет его, он придет. Она ему нравится, он сказал даже, что любит ее. Пусть человек он дурной, но все же в чем-то он неплохой малый; во всяком случае, способен дать хороший совет. Но час был уже слишком поздний. Можно ли надеяться, что ей удастся поговорить с ним сейчас, посреди ночи? Но не ждать же рассвета! И потом, хорошую идею надо проводить в жизнь сразу.

На столике у кровати стоял телефон. Номер Мэри знала, потому что Роули жил в том же отеле, где обычно останавливался Эдгар, а тому она часто звонила. Подойдя к столику, она набрала этот номер. Сперва трубку довольно долго никто не снимал; потом Мэри услышала, как кто-то отозвался по-итальянски. Это, очевидно, был ночной портье, ненароком задремавший на посту. Молодая женщина попросила соединить ее с Роули. Ей было слышно, как портье звонил ему по внутреннему телефону, однако долгое время трубку никто не брал.

Мэри с ужасом подумала, что Роули, наверное, нет дома – он ведь мог, расставшись с нею, куда-нибудь пойти – засесть играть в карты или, чего доброго, подцепить, по своему обыкновению, какую-нибудь женщину и отправиться к ней. Когда она услышала его раздраженный сонный голос, у нее вырвался вздох облегчения.

– М-да, – буркнул Роули. – Кто там еще?

– Роули! – воскликнула она. – Это я, Мэри! У меня жуткие неприятности!

Она вдруг почувствовала, что он окончательно проснулся. Негромко хмыкнув, он сказал:

– Не слишком ли поздний час для всяких там неприятностей, а? Что у вас такое случилось?

– Не могу объяснить по телефону. Дело серьезное. Мне очень нужно, чтобы вы ко мне приехали.

– Когда?

– Сейчас. Сию же минуту. Ради всего святого, Роули, приезжайте как можно скорее!

Он услышал, как дрожал ее голос.

– Конечно, приеду. Не волнуйтесь.

Как приятно было услышать от него эти слова! Мэри положила трубку и попыталась прикинуть, через какое время он приедет. Отель был в трех милях от виллы, и дорога все время шла в гору. В этот час такси, пожалуй, не поймает. Если Роули придется идти пешком, он доберется через час. Но в это время уже будет светло. Ждать же в этой комнате невыносимо, просто ужасно.

Мэри быстро переоделась – вместо вечернего туалета надела платье попроще. Потом она выключила свет, осторожно отперла дверь, стараясь не производить ни малейшего шума, и проскользнула в коридор, затем отперла входную дверь, спустилась по ступенькам парадного подъезда, вышла на ведущую к воротам аллею и пошла по ней, держась в тени деревьев, от ветвей которых на аллее темнели полосы. Лунный свет, который еще недавно вызывал у Мэри такой восторг, теперь ее пугал – при нем все было видно почти как днем. Наконец она подошла к воротам и здесь остановилась. Тоска брала, когда она думала, сколько еще придется ей здесь простоять, прежде чем появится Роули.

Вдруг Мэри услышала чьи-то шаги и в панике укрылась в тени. Кто-то поднимался по крутой лестнице, ведущей к воротам виллы от подножия холма и много лет бывшей единственным путем на виллу, пока к ней не подвели дорогу. Кто бы ни был этот человек, он шел именно на виллу и очень спешил. Вот он вышел на свет – и молодая женщина узнала Роули. Ее охватило безмерное облегчение.

– Слава Богу, вы пришли. Как вам удалось добраться так быстро?

– Ночной портье уснул, и я позаимствовал его велосипед. Он сейчас спрятан у подножия холма. Я решил, что по лестнице доберусь скорее.

– Пойдемте.

Роули пылливо вглядывался в ее лицо.

– Послушайте, что все-таки случилось? На вас лица нет.

Она покачала головой. Нет, рассказать ему все прямо сейчас она не сможет. Схватив его за руку, она быстро повела его к дому.

– Пожалуйста, делайте все как можно тише, – прошептала она, когда они шли по коридору. – И не говорите ни слова.

Мэри повела его в свою комнату. Достав ключ, она отперла дверь, и он вошел вслед за нею. Она закрыла за ним дверь и заперла ее. Несколько секунд она не могла заставить себя включить свет, но иного выхода не было. Она нажала кнопку выключателя. Комнату мгновенно залил яркий свет от висевшей на потолке огромной люстры. Роули болезненно вздрогнул – он заметил лежавший на полу у одного из окон труп.

– Господи! – воскликнул он. Затем, повернувшись, уставился на Мэри. – Что это значит?

– Он мертв.

– Чертовски похоже на это.

Роули опустился на колени, приподнял одно из век мертвеца, затем, как раньше Мэри, приложил руку к его груди.

– Мертвехонек, – сказал он и, заметив зажатый в руке покойника револьвер, добавил: – Застрелился.

– А вы думали, это я его убила?

– Где же слуги? Вы кого-нибудь послали за полицией?

– Нет, – с трудом проговорила она.

– Но это необходимо. Его нельзя оставлять, здесь. Надо что-то предпринять.

Машинально, не сознавая, что он делает, Роули разжал пальцы мертвеца, взял револьвер и взглянул на него.

– Черт возьми! Как похож на тот, что вы мне показывали в машине!

– Это он и есть.

Роули снова уставился на нее. Он ничего не понимал. Да и как ему было разобраться в такой запутанной ситуации?

– Почему он застрелился?

– Ради Бога, не приставайте ко мне с вопросами.

– Вы хоть знаете, кто он?

– Нет, не знаю.

Мэри была бледна и вся дрожала. Вид у нее был такой, как будто она вот-вот лишится чувств.

– Держите себя в руках, Мэри. От всяких переживаний проку нет, сами знаете. Подождите минутку, я схожу в столовую и принесу вам бренди. Где оно там у вас?

Он сделал было несколько шагов к двери, но Мэри, вскрикнув, остановила его.

– Не уходите! Я боюсь оставаться здесь одна!

– Тогда пошли вместе, – сказал Роули.

Он обнял ее за плечи и вывел из комнаты. В столовой все еще горели свечи, и Роули, войдя, сразу же заметил стоявшие на столе две тарелки, два стакана, бутылку вина и сковородку, на которой Мэри жарила бекон с яичницей. Роули подошел к столу. Возле кресла, в котором раньше сидел Карл, лежала его обтрепанная фетровая шляпа. Роули взял ее в руки, осмотрел, затем повернулся к Мэри. Та не в силах была смотреть ему в глаза.

– Когда я сказала, что не знаю его, – это была неправда.

– Должен заметить, что это вполне очевидно.

– Ради всего святого, не говорите так со мною, Роули. Я так ужасно несчастлива.

– Виноват, – отозвался он кротко. – Так все-таки кто же он?

– Скрипач. Помните, в ресторане он обходил гостей с тарелкой?

– То-то я и подумал, что лицо вроде бы знакомое. Он был в костюме неаполитанского рыбака, так ведь? Поэтому я его и не узнал. К тому же сейчас у него совсем другой вид. Как он сюда попал?

Мэри замялась.

– Я встретила его, когда возвращалась домой. Он стоял на террасе, ну, знаете, на полдороге к вилле, и заговорил со мною. У него был такой несчастный вид! Он был так одинок!

Роули опустил голову и разглядывал свои ботинки. Он был в каком-то замешательстве. Такое можно было ожидать от кого угодно, только не от Мэри. Он начал смутно догадываться, что произошло.

– Мэри, дорогая, вы же знаете, для вас я сделаю все, что только в моих силах. Я хочу вам помочь.

– Он был голоден. Я приготовила ему поесть.

Роули сдвинул брови.

– А потом, насытившись, он пошел и застрелился из вашего револьвера, так, что ли?

Мэри зарыдала.

– Вот вино. Выпейте немного. Реветь можно будет и потом.

Она затрясла головой.

– Нет-нет, со мною все в порядке. Я больше не реву. Сейчас я понимаю, что вела себя как сумасшедшая, но тогда все было по-иному. Думаю, я на какое-то время лишилась рассудка. Помните, что я говорила вам в машине, перед тем как мы простились?

Внезапно он понял, что она имела в виду.

– А я было решил, что все это глупые романтические бредни. Никогда не думал, что вы настолько безрассудны, чтобы совершать такие дурацкие поступки. Почему он застрелился?

– Не знаю. Действительно не знаю.

Роули на минуту задумался, потом стал собирать на поднос стоявшие на столе тарелки и бокалы.

– Что вы делаете? – спросила Мэри.

– Неужели вы думаете, что можно оставить все как есть, чтобы всем стало ясно, что вы ужинали здесь наедине с женщиной? Где у вас кухня?

– Надо выйти через эту дверь и спуститься этажом ниже.

Он взял поднос и вышел. Когда он вернулся, молодая женщина сидела за столом, обхватив голову руками.

– Хорошо, что я туда спустился – вы оставили там свет. Не умеете вы замечать следы. Ваши слуги, пообедав, не вымыли за собой посуду. Я просто поставил ваши тарелки и бокалы рядом с их. Скорее всего, никто ничего не заметит. Теперь можно вызывать полицию.

Мэри чуть ли не взвизгнула:

– Роули!

– Прислушайтесь же наконец к голосу разума, моя дорогая. Я долго думал обо всем этом и предлагаю вот что: вам надо будет сказать, что вы спали, когда вас разбудил шум, поднятый проникшим в вашу комнату человеком, очевидно грабителем. Вы включили свет и схватили револьвер, лежавший на столике у кровати. Грабитель попытался выхватить его у вас, завязалась борьба, и револьвер вдруг выстрелил. Кто из вас дотронулся до курка, неважно. Можно сказать вот что: этот человек испугался, что на ваши крики сбегутся слуги, и решил, что у него нет иного выхода, кроме как застрелиться.

– Кто же поверит в подобную историю? Она совершенно неправдоподобна.

– Ну уж не менее правдоподобна, чем то, что было на самом деле. Если вы будете настаивать на своем, опровергнуть эту версию будет невозможно.

– Нина слышала выстрел. Она подошла к двери моей комнаты и спросила, в чем дело. Я сказала, что ничего не слышала. Если полиция будет ее допрашивать, она об этом расскажет. Как мне тогда все это объяснить? Ваша версия сразу будет опровергнута. Действительно, почему я заявила ей, что ничего не произошло, когда в моей комнате лежало мертвое тело? Нет, это не годится.

– Может быть, вы все-таки наберетесь духу и скажете мне правду?

– Она довольно неприглядная. И в то же время мне казалось, что я совершаю хороший поступок.

Мэри ничего больше не добавила, и Роули устремил на нее пристальный взгляд, инстинктивно понимая, в чем дело, но все еще не избавившись от сомнений. Она глубоко вздохнула.

– А что, давайте позовем полицию и покончим с этим делом. Пусть оно завершится катастрофой. По-моему, я это заслужила. Теперь я не смогу больше смотреть людям в глаза. Потом все попадет в газеты. Потом узнает Эдгар. Да, все кончено. – Потом она сказала нечто, удивившее Роули: – В конце концов, этот же бедный мальчик не вор. Я причинила ему боль, и не следует мне теперь его порочить. Виновата во всем я одна; мне за это и отвечать.

Роули внимательно посмотрел на нее.

– Да, вы правы, это будет означать для вас крушение. Вдобавок от вас отступится все общество. Трудно вам придется, дорогая, и, если все так и выйдет, никто ничем не сможет вам помочь. Хотите рискнуть? Предупреждаю, риск очень велик, и, если дело не выгорит, это

усугубит ваше положение.

– Я готова пойти на любой риск.

– Почему бы нам не вывезти отсюда тело? Кому тогда придет в голову, что вы как-то причастны к смерти этого человека?

– Но как это сделать? Это невозможно.

– Почему же? Вовсе нет. Если вы мне поможете, мы положим труп в машину. Вы, наверное, изучили все окрестности виллы. Должно быть, нам удастся найти место и спрятать тело так, чтобы его нашли лишь через несколько месяцев.

– Но этого человека хватятся, станут искать...

– Это еще почему? Кому нужен нищий скрипач-итальянец? Подумают, что он удрал, чтобы не платить за комнату, или сбежал с чужой женой.

– Но он не итальянец. Он беженец из Австрии.

– Что ж, тем лучше. Можете биться об заклад, что никто о нем и не вспомнит.

– Нам придется пойти на жуткое дело, Роули. А как вы сами на это смотрите? Вы ведь ужасно рискуете, правда?

– Что же еще делать, дорогая моя? Обо мне не беспокойтесь. Честно говоря, обожаю рисковать и делаю это при первой возможности.

Услышав эти его беззаботные слова, Мэри несколько взбодрилась. Ее переживания теперь уже не были столь невыносимыми. Появилась надежда, что им, быть может, удастся осуществить его план. Но затем на молодую женщину вновь нахлынули сомнения.

– Скоро рассвет. Крестьяне здесь выходят в поле рано.

Роули взглянул на часы.

– Когда светает? Кажется, не раньше пяти. У нас остался час. Если поторопиться, можно успеть.

Она глубоко вздохнула.

– Моя судьба в ваших руках. Я сделаю все, что вы скажете.

– Тогда начнем и, ради Бога, не давайте волю своим нервам.

Роули взял шляпу молодого человека, и они вернулись в спальню, где лежало тело.

– Беритесь за ноги, – скомандовал Роули, – а я подхватчу его под мышки.

Они подняли труп и вынесли его в коридор, а затем на улицу. По ступенькам парадного входа сошли с трудом – Роули пришлось идти спиной вперед. У подножия лестницы они опустили тело наземь. Оно казалось им чудовищно тяжелым.

– Вы сможете подвести сюда машину? – спросил Роули.

– Да, но здесь негде развернуться. Придется ехать задним ходом, – с сомнением в голосе проговорила Мэри.

– Не страшно, я смогу проехать.

Она по узкой дорожке пошла к машине, села в нее и включила мотор. Роули тем временем вернулся в дом – на мраморном полу осталась лужа крови, к счастью, небольшая, поскольку самоубийца выстрелил себе в грудь и кровоизлияние в основном было внутренним.

Зайдя в ванную, Роули снял с крючка полотенце и намочил его в воде, затем прошел в спальню и вытер кровь на мраморном полу. Мрамор был темно-красного цвета, и Роули был почти уверен, что уборщица, моя полы, ничего не заметит. С мокрым, запачканным кровью полотенцем в руках он снова вышел на улицу. Мэри ждала его у машины. Она не стала спрашивать, что он делал в доме.

Роули открыл заднюю дверцу и вновь приподнял труп, взяв его под мышки. Мэри, видя, что ему тяжело, подхватила тело за ноги. Оба все делали молча. Они уложили труп на пол салона, и Роули обвязал его вокруг груди полотенцем, чтобы от тряски на ухабах из раны не лилась кровь. Затем он напялил на голову мертвеца его фетровую шляпу. Сев за руль, он подвел машину задним ходом к воротам. Здесь места было достаточно, и ему удалось развернуться.

– Может быть, я поведу машину и дальше? – спросил он.

– Да, конечно. У подножия холма поверните направо.
– Надо будет как можно скорее куда-нибудь свернуть с шоссе.
– Через четыре или пять миль будет поворот на дорогу, ведущую к деревушке на вершине одного из окрестных холмов. Насколько я помню, там поблизости есть лес.

Выехав на шоссе, Роули прибавил скорость.

– Очень уж быстро вы едете, – заметила Мэри.

– У нас не так много времени, моя дорогая, – раздраженно ответил он.

– Я вся трясусь от страха.

– От этого нам, конечно, будет много пользы.

Он говорил очень резко, и она умолкла. Луна зашла; стояла крошечная тьма. Мэри даже не видела спидометра, но подозревала, что стрелка показывает больше восьмидесяти миль в час. Молодая женщина сидела, стиснув руки на груди. Ужасную вещь они делали, ужасную и опасную, но все же это был для нее единственный выход. Каждый удар ее сердца болезненно отдавался в груди. Она все время повторяла про себя: «О, какую же я сделала глупость!»

– Похоже, мы уже проехали по шоссе около пяти миль, – сказал Роули. – Не пропустили мы поворот, а?

– Нет, но он скоро будет. Сбавьте немного скорость.

Они все еще ехали по шоссе. Мэри с волнением глядела в окошко в поисках поворота на узкую проселочную дорогу, которая, петляя, вела к деревне на вершине холма. До сих пор молодая женщина была здесь два или три раза – ее привлекал вид на эту деревушку, напоминавшую один из городков на склонах холмов, которые старые мастера изображали на заднем плане своих полотен на сюжеты из Священного писания, перенося таким образом действие в родную Тоскану с ее красивейшими пейзажами.

– Вот он! – внезапно вскричала Мэри, заметив наконец поворот.

Но Роули уже его проскочил. Затормозив, он дал задний ход и только после этого повернул на проселочную дорогу. Машина теперь медленно ползла в гору. Мэри и ее спутник пристально вглядывались во тьму в поисках леса. Вдруг она дотронулась до его руки и показала куда-то налево. Он затормозил. Там действительно виднелись купы деревьев, похожих с виду на белую акацию; вокруг густо рос кустарник. Невдалеке от дороги, видимо, был овраг. Роули выключил фары.

– Пойду на разведку. Место, кажется, подходящее.

Он выбрался из машины и стал продираться сквозь заросли. В ничем не нарушаемой мертвой тишине производимый им шум казался невыносимо громким. Через пару минут он вернулся.

– По-моему, как раз то, что нужно, – сказал он шепотом, хотя кругом не было ни души. – Помогите мне вытащить его из машины. Дальше придется волочить его одному, если, конечно, удастся. Вам там не пробраться. Эти колючки изорвут на вас всю одежду.

– Ну и пусть!

– Да дело-то не в вас, – ответил он грубо. – Как вы потом объясните слугам, откуда взялись дырки на ваших чулках и почему туфли ваши все исцарапаны? Ничего, я справлюсь один.

Мэри выбралась из автомобиля и открыла заднюю дверцу. Только они собрались было вытащить тело, как вдруг заметили неподалеку свет фар. Из деревушки на вершине холма ехала вниз по дороге машина.

– О Господи, мы попались! – воскликнула Мэри. – Бегите, Роули, не надо вам впутываться в эту историю.

– Не говорите глупости.

– Я не хочу, чтобы у вас были из-за меня неприятности, – в отчаянии вскричала она.

– Не ведите себя как дура! Не будет у нас никаких неприятностей, если только вы успокоитесь. Почему бы нам их не провести?

– Не надо, Роули, ради Бога. Со мною все кончено.

– Да полно вам! Держите себя в руках. Садитесь на заднее сиденье.

– Но там же он...

– Молчите!

Роули впихнул ее в машину, затем залез туда сам. Свет фар приближавшейся машины в этот момент виден не был – она на время скрылась за поворотом дороги, но вскоре должна была появиться.

– Придвиньтесь ко мне. Они примут нас за влюбленную парочку, забравшуюся в укромное место, чтобы побыть наедине. Сидите спокойно, не двигайтесь.

Машина была уже недалеко. Еще две-три минуты – и она должна была подъехать к ним. Дорога в этом месте была настолько узкой, что водителю встречного автомобиля пришлось бы замедлить скорость, чтобы проехать мимо них. Он мог даже задеть их машину. Роули обхватил свою спутницу за плечи и притянул к себе. Ногами оба упирались в труп.

– Я вас сейчас поцелую, – предупредил ее Роули. – Поцелуйте и вы меня, если вы на это способны.

Машина почти уже подъехала к ним. Похоже было, что она вихляла от одного края дороги к другому.

– Дьявольщина, да они, кажется, пьяны в стельку! Дай Бог, чтобы они нас заметили – иначе расшибут в лепешку. Ну, быстро, целуйте меня!

Мэри прикоснулась губами к его губам; со стороны могло показаться, что оба настолько поглощены друг другом, слившись в поцелуе, что даже не подозревают о приближении другой машины. Та была набита людьми, горланившими визгливыми голосами какую-то песню, причем так громко, что их услышал бы и глухой. В селении на вершине холма, наверное, праздновали свадьбу, и в машине сидели веселившиеся до ночи, перепившиеся гости, которые сейчас возвращались домой, в какую-то другую деревню. Машина ехала по самой середине дороги и, казалось, неминуемо должна была врезаться в их «фиат». Сделать уже ничего было нельзя. Вдруг кто-то из этих людей издал крик. Фары осветили стоявшую на дороге неподвижную машину. Раздался громкий визг тормозов, и приближавшийся автомобиль резко замедлил ход. Вероятно, сознание того, что он только что избежал смертельной опасности, несколько протрезвило водителя, и машина его теперь ползла как сонная муха. Тут один из его приятелей увидел, что в неосвещенном салоне неподвижного автомобиля кто-то есть. Вглядевшись, они заметили слившуюся в страстном объятии парочку и разразились грубым хохотом. Кто-то выкрикнул скабрёзную шутку, двое или трое других, вторя ему, издавали непристойные звуки. Роули крепко сжимал Мэри в объятиях. Можно было подумать, что они охвачены любовным экстазом и неспособны воспринимать ничего другого. Какой-то шутник, уловивший деликатность ситуации, густым баритоном запел песенку герцога из вердиевского «Риголетто»: «La Donna è mobile».¹ Остальные, очевидно, не знавшие слов, но горевшие желанием помочь певцу, пытались подпевать. В этот момент встречный автомобиль поравнялся с неподвижно стоявшим «фиатом»; расстояние между машинами было не больше дюйма.

– Обнимите-ка меня за шею, – прошептал Роули.

Когда встречная машина проезжала мимо, губы его все еще касались губ Мэри; он весело помахал пьянчугам рукой.

– Bravo! Bravo! – кричали те. – Buon divertimento!²

Когда они уже проехали мимо, баритон снова запел: «La Donna è mobile». Машина зигзагами съезжала с горки, ежеминутно рискуя свалиться в кювет. Пассажиры все так же с жаром пели, и, даже когда автомобиль уже скрылся из виду, звуки их голосов еще слышались вдали.

Роули наконец разжал объятия, и Мэри, обессиленная, откинулась на спинку сиденья.

– Как хорошо, что влюбленным симпатизирует весь мир, – сказал он. – Ну, а теперь пора нам братья за дело.

– Не опасно ли это? Если его найдут поблизости от этого места...

¹ «Сердце красавицы склонно к измене» (ит.)

² Bravo! Bravo! Приятных развлечений! (ит.)

– Где бы его ни нашли на всем протяжении этой дороги, наше появление здесь посреди ночи все равно будет казаться подозрительным. Но мы можем проехать еще много миль и все же не найти лучшего места. К тому же рыскать по всей округе нам просто некогда. В той машине все были пьяны, а таких «фиатов», как этот, сотни. Кому придет в голову заподозрить нас? Во всяком случае очевидно, что этот человек покончил с собой. Выходите из машины.

– Не уверена, что я удержусь на ногах.

– Да помогите же мне его вытащить, черт возьми! Потом можете сидеть себе в машине, сколько угодно.

Он вылез из автомобиля, ухватил Мэри за руку и вытянул ее наружу. Внезапно она облокотилась о крыло машины и разразилась истерическими рыданиями. Роули поднял руку и отвесил ей звонкую пощечину. Мэри была настолько этим поражена, что, задышавшись, резко выпрямилась и перестала плакать так же внезапно, как только что начала.

– Ну вот, а теперь помогите мне.

Молча они вытащили тело из машины. Роули обхватил его за плечи.

– Перекиньте его ноги через другую мою руку. Черт знает, до чего тяжел! Отведите-ка в сторону вон те ветки, чтобы я смог пройти, не ломая их.

Она сделала то, о чем ее просил Роули, и он стал с трудом продираться сквозь кустарник. Воображению испуганной женщины представлялось, что поднятый им шум слышен на много миль вокруг. Она стояла в ожидании, и ей казалось, что Роули отсутствовал уже целую вечность. Но вот она увидела, что он идет к машине с другой стороны, по дороге.

– Решил на всякий случай вернуться другим путем.

– Все в порядке? – нетерпеливо спросила она.

– Как будто бы так. Черт побери, неужели все уже позади? Неплохо было бы сейчас выпить. – Он посмотрел на Мэри, и в глазах его засветилась улыбка. – Теперь можете плакать, если хотите.

Мэри не ответила, и они снова уселись в машину. Роули включил мотор.

– Куда вы собираетесь ехать? – спросила она.

– Здесь ведь не развернешься. Да и лучше нам проехать немного вперед, – чтобы по следам не было заметно, что здесь останавливалась и разворачивалась машина. Не знаете, кстати, кончается дорога в деревне или выходит на шоссе и с той стороны?

– По-моему, кончается в деревне.

– Ну и ладно. Проедем еще немного и при первой же возможности развернемся.

Какое-то время они молчали.

– Полотенце осталось в машине, – вдруг сказала Мэри.

– Так и надо. Потом я его где-нибудь выброшу.

– На нем инициалы Лионарда.

– Не волнуйтесь, что-нибудь придумаю. В крайнем случае, оберну им камень, завяжу узлом и по дороге домой брошу в Арно.

Проехав еще пару миль, они заметили, что дорога стала шире. Роули уже приготовился было разворачиваться, как вдруг воскликнул:

– Господи! А револьвер-то!

– Что? Он остался в моей комнате.

– Совершенно забыл о нем. Вспомнил только сейчас. Если рядом с телом не найдут револьвера, из которого был произведен выстрел, это покажется подозрительным. Надо бы положить его рядом с трупом.

– Что же теперь делать?

– Ничего. Будем надеяться, что нам повезет, как везло до сих пор. Если тело обнаружат, а револьвера поблизости не найдут, полицейские, верно, решат, что какой-то мальчишка набрел на труп, стащил револьвер и никому ничего не сказал.

Обратно они ехали так же быстро, как и раньше. Роули то и дело бросал беспокойные взгляды на небо. Пока еще стояла ночь, но тьма была уже не такой густой, как раньше. Светать еще не начало, но чувствовалось, что утро скоро настанет. Крестьяне в Италии

выходят в поле рано, и Роули хотел доставить домой свою спутницу до этого.

Наконец они подъехали к подножию холма, на котором стояла вилла. Роули остановил машину. Чернота небес начала сменяться сероватым светом.

– Дальше езжайте одна. Здесь как раз спрятан мой велосипед.

Мэри с трудом улыбнулась ему и собралась было что-то сказать, но он ласково похлопал ее по плечу:

– Все в порядке. Можете не волноваться. Да, вот что: примите-ка дома парочку таблеток снотворного – все лучше, чем лежать без сна и снова переживать то, что было. Если хорошенько выспитесь, будете чувствовать себя совсем по-другому.

– У меня такое ощущение, что я больше никогда уже не смогу уснуть.

– Да, понимаю. Потому и советую вам принять меры. Завтра я к вам загляну.

– Я весь день буду дома.

– Помнится, вы приглашены на завтрак к Аткинсонам. Они попросили меня составить вам компанию.

– Я позвоню им и скажу, что плохо себя чувствую.

– Вот этого как раз делать не надо. Вы должны пойти туда и держаться так, как будто ничего не произошло. Даже если подозрение случайно падет на вас, вам не следует вести себя так, словно вас обременяет сознание вины. Понимаете?

– Да.

Мэри пересела за руль и дождалась, пока Роули вытащил из-за кустов велосипед и укатил. Тогда она поехала домой. Поставив машину в гараж, расположенный у самых ворот, она пошла по аллее к дому, бесшумно открыла дверь и вошла. Перед дверью своей комнаты она замерла в нерешительности. Ей не хотелось туда входить – на мгновение ее охватил суеверный страх, что если она отворит дверь, то увидит стоящего за нею Карла в его изношенном черном костюме. Страх парализовал ее рассудок, но поддаваться ему было нельзя. Мэри заставила себя войти, хотя за ручку двери взялась дрожащей рукой. Быстро включив свет, она издала вздох облегчения – комната была пуста. Все там было таким же, как обычно. Мэри взглянула на стоявшие; на столике возле кровати часы. Не было еще и пяти утра! Сколько ужасных событий произошло за столь короткий промежуток времени! Молодая женщина подумала, что отдала бы все на свете за то, чтобы повернуть время вспять и снова стать такой же беззаботной, какой была всего несколько часов назад. По лицу ее побежали слезы. Она ужасно устала, голова ее раскалывалась от пульсирующей боли. Вспоминались события этой страшной ночи, все сразу, вперемешку. Память обрушивала на молодую женщину какой-то беспорядочный и нескончаемый поток видений. Мэри стала медленно раздеваться. Ей совершенно не хотелось лечь на эту кровать, но ничего другого не оставалось. На вилле ей придется провести по крайней мере еще несколько дней. Роули скажет, когда можно уже будет уехать, не возбуждая ни у кого подозрений. Если она огласит свою помолвку с Эдгаром, всем ясно будет, почему она покидает Флоренцию на несколько недель раньше, чем собиралась. Ей никак не удавалось припомнить, говорил ли Эдгар, когда ему надо отплыть на пароходе в Индию. Должно быть, скоро. Там она будет в безопасности, сумеет все забыть.

Когда Мэри уже собралась было лечь, ей вдруг вспомнилось, что Роули отнес оставшуюся с ужина посуду на кухню. Невзирая на его заверения, на душе у молодой женщины было беспокойно. Она почувствовала, что должна сама проверить, все ли там в порядке. Набросив на плечи халат, она отправилась в столовую, а оттуда на кухню. Если бы кто-нибудь из слуг услышал ее шаги, она потом сказала бы, что, проснувшись, почувствовала, что голодна, и пошла на кухню подкрепиться.

Дом казался пустым и безлюдным, кухня напоминала огромную мрачную пещеру. Мэри увидела на столе бекон и убрала его обратно в кладовку, затем выбросила яичную скорлупу в ведро под раковиной, вымыла бокалы и тарелки, оставшиеся после ее совместной с Карлом трапезы, и поставила их туда, где они стояли раньше. Сковороду она повесила на крючок. Теперь уже ничто не могло вызвать у слуг подозрение, так что Мэри тихонько прошла

обратно в спальню, выпила снотворное и погасила свет. Она надеялась, что лекарство подействует сразу, но все еще была очень возбуждена и потому лежала без сна и думала, что если вскоре не уснет, то сойдет с ума, но все-таки уснула.

Глава 6

Открыв глаза, Мэри увидела возле кровати Нину.

– В чем дело? – спросила она сонно.

– Уже много времени, синьора. В час дня вам надо быть на вилле Болоньезе, а сейчас уже двенадцать.

Внезапно Мэри все вспомнила, и страх болезненно отдался в ее сердце. Сонливость сразу развеялась. Молодая женщина глядела на служанку; та, как обычно, была весела и приветлива. Мэри собралась с мыслями и сказала:

– Никак не могла уснуть после того, как ты меня разбудила. Пришлось принять снотворное – не хотелось лежать без сна.

– Извините, синьора. Я услышала шум и подумала, что лучше мне сходить и посмотреть, не случилось ли чего.

– Что за шум?

– Ну, хлопок такой. На выстрел похоже было. Я вспомнила про револьвер, который вам оставил синьор, и перепугалась.

– Это, должно быть, от какого-нибудь автомобиля на шоссе. Ночью звуки ведь слышны издалека. Принеси мне чашечку кофе, а я потом приму ванну. Придется поторопиться.

Как только служанка вышла из комнаты, Мэри вскочила и метнулась к туалетному столику, в ящике которого должен был лежать револьвер. Она испугалась, что Нина обнаружила его и забрала оттуда – ведь Чиро, ее муж, мог сразу же определить, что из револьвера кто-то стрелял. Но оружие оказалось на месте. Ожидая, пока ей принесут кофе, Мэри еще раз все продумала. Ей стало ясно, почему Роули настаивал, чтобы она пошла на завтрак, куда была приглашена. Ничто в ее поведении не должно казаться необычным. Ради Роули теперь, как и ради себя самой, ей надо быть крайне осторожной. Мэри ощутила безграничную благодарность Роули. Как он хладнокровен, как здорово все продумал! Кто мог подумать, что у такого праздного и беспечного человека такая железная воля! Что случилось бы с ней, если бы он потерял голову, когда в самый ответственный момент прямо на них выскочила машина с пьяными крестьянами? Мэри вздохнула. Пусть он не самый полезный член общества, зато верен в дружбе. Этого у него не отнимешь.

Выпив кофе и приняв ванну, молодая женщина устроилась за туалетным столиком и занялась своим лицом. Привычное занятие придало ей уверенность в себе. Удивительно было, что, несмотря на все пережитые тревожения, выглядела она такой же оживленной и привлекательной, как всегда. Ни страх, ни даже слезы не оставили на ее внешности никаких следов. На золотистой как мед коже лица не появилось ни единой морщинки, глаза как обычно сияли, а волосы отливали блеском. Мэри почувствовала, что как-то незаметно ее охватило возбуждение. Это обнадеживало и позволяло ей с уверенностью ожидать завтрака, на котором ей предстояло изображать веселье, даже беззаботность, чтобы потом гости могли после ее ухода сказать: как хороша сегодня Мэри! Она забыла спросить Роули, принял ли он сам приглашение и будет ли на завтраке, но надеялась, что он все-таки придет – в его присутствии она бы чувствовала себя увереннее.

Наконец Мэри закончила сборы. Когда она бросила на себя последний взгляд в зеркало, Нина приветливо ей улыбнулась.

– Синьора, такой красивой я не видела вас никогда.

– Не следует так мне льстить, Нина.

– Но это же правда! Видно, на вас благотворно подействовал хороший сон. Вы выглядите, как юная девушка.

Супруги Аткинсон были средних лет американцами, чья огромная роскошная вилла в незапамятные времена принадлежала герцогскому роду Медичи. Нынешние хозяева в течение двадцати лет собирали коллекцию картин, скульптуры и старинной мебели, что сделало их виллу одной из достопримечательностей Флоренции. Их отличало гостеприимство, и гостей они принимали помногу. Когда Мэри проводили в гостиную, там собралась, уже большая часть приглашенных. В этой просторной комнате мебель эпохи Возрождения соседствовала со скульптурными изображениями Пречистой девы работы Сансовино¹ и Дезидерио де Сеттиньяно;² на стенах же висели картины Перуджино³ и Филиппино Липпи.⁴ Два облаченных в ливреи лакея прохаживались по комнате – один разносил на подносе коктейли, другой – закуски. Дамы в летних платьях парижского пошива были одна красивее другой, представители же мужской части общества, также одетые в летние костюмы, отличались невозмутимостью и явно чувствовали себя здесь непринужденно. Высокие окна были распахнуты; за ними виднелся ухоженный сад, где вдоль дорожек росли подстриженные кусты самшита и кое-где стояли громадные каменные вазы с цветами и статуи времен барокко, на которых заметны были следы времени и всех гулявших по Италии ветров. В этот тихий июньский день сам воздух, казалось, приводил людей в хорошее настроение. Создавалось впечатление, что никого на свете не одолевают заботы, у всех полным-полно денег, что каждый готов без устали наслаждаться жизнью. Не верилось, что где-то существуют нищие и голодные. Да, хорошо в такой день быть живым!

Войдя в комнату, Мэри остро ощутила, с какой веселой доброжелательностью ее приветствовали собравшиеся, но именно эта атмосфера беззаботного наслаждения жизненными благами вызвала у нее тягостный приступ угрызений совести. Мэри вспомнила о несчастном юноше, который лежал сейчас под открытым небом на склоне холма неподалеку от реки Арно, лежал с пулей в сердце. Его удел – и их, этих людей! Как мучительно об этом думать! Так же болезненно, как ощущать прикосновение к коже жаркого воздуха, когда с тенистой прохладной узенькой улочки выходишь на пропеченную солнцем флорентийскую площадь. В этот момент, однако, Мэри заметила на другом конце комнаты Роули. Взгляд его был устремлен на нее, и она вспомнила его предупреждение. Завидев Мэри, он тотчас стал пробираться к ней сквозь толпу гостей. В это время к молодой женщине подошел засвидетельствовать свое почтение хозяин виллы Гарольд Аткинсон. Это был красивый, статный, седоватый мужчина, представительный и полнокровный, большой ценитель женской красоты. Он имел обыкновение несколько неуклюже и по-отечески флиртовать с Мэри. Вот и на этот раз он задержал ее ладонь в своей дольше, чем это диктовалось необходимостью. Тут подошел Роули.

– Я как раз уверял нашу общую с вами знакомую, что таких красавиц, как она, не часто увидишь даже на картине, – сказал, повернувшись к нему, Аткинсон.

– Зря тратите на нее время, дружище, – томно протянул Роули с самой обворожительной из своих улыбок, – с тем же успехом можно расточать комплименты статуе Свободы.

– Ага! Вы, значит, получили от ворот поворот, да?

– Получил.

– Ну, не стану ее за это укорять.

– Не люблю я молодежь, мистер Аткинсон, вот в чем дело, – заявила Мэри, и в глазах ее заплясали огоньки. – По опыту знаю: интересный разговор можно вести лишь с мужчинами, которым за пятьдесят.

¹ Сансовино (Андреа Контуцци, ок. 1460–1529) – итальянский скульптор и архитектор, автор известной гробницы А. Сфорца в Милане.

² Дезидерио де Сеттиньяно (ок. 1430–1464) – итальянский скульптор; среди его работ – надгробия, рельефы, портретные бюсты; наиболее известное его творение – мадонна Панчатики.

³ Перуджино (Пьетро ди Кристофо Вануччи из Перуджи, ок. 1450–1523) – итальянский живописец умбрийской школы, учитель Рафаэля.

⁴ Липпи Филиппино (ок. 1457–1504) – итальянский живописец флорентийской школы, сын художника Фра Филиппо Липпи, ученик Боттичелли.

– Надо нам с вами как-нибудь увидаться и поговорить на эту тему подробнее, – живо откликнулся Аткинсон. – По-моему, у нас с вами много общего.

Тут он повернулся, чтобы приветствовать вновь прибывшего гостя.

– Вы несравненны, – вполголоса сказал ей Роули.

Одобрение, читавшееся в его глазах, придало ей мужества, но, несмотря на это, она не смогла удержаться, чтобы не бросить на Роули испуганный, тревожный взгляд.

– Не вешайте голову. Представьте себе, что вы на сцене и играете роль.

– Я же говорила вам, не гожусь я для сцены, – ответила Мэри, но уже с улыбкой.

– Вы женщина, а значит, актриса от природы, – изрек Роули.

Ей и пришлось проявить все свои актерские способности за завтраком, к которому собравшиеся вскоре приступили. Справа от нее сидел хозяин дома, и она весело с ним беседовала, слегка даже флиртуя, что льстило его мужскому самолюбию. С другой стороны от Мэри сидел специалист по итальянскому искусству, и она обсуждала с ним творчество художников сиенской школы. Во Флоренции общество не столь уж многочисленно, и многие из гостей были днем раньше в ресторане на берегу Арно. Княгиня Сан-Фердинандо, у которой общество собиралось вчера, сидела справа от Аткинсона. Это соседство явилось причиной инцидента, чуть было не заставившего Мэри лишиться самообладания. Наклонившись к ней, старая дама объявила:

– Только что рассказала графу о вчерашнем вечере. – Потом, обращаясь к Аткинсону, пояснила: – Я пригласила гостей пообедать у Пеппино и послушать чудесного певца, того самого, у которого такой бесподобный голос. Но он, представьте себе, не явился!

– Я его слышал, – откликнулся Аткинсон. – Супруга просила меня оплатить его обучение. Она считает, что он прирожденный оперный певец.

– Ну вот, а нам вместо него подсунули неумелого скрипача. Я говорила о нем с Пеппино. Он рассказал, что скрипач этот – беженец из Германии, и на сцену он выпустил его лишь из жалости. Больше он этого не сделает. Вы ведь помните этого скрипача, Мэри, не правда ли? Слушать его было просто невыносимо.

– Да, он играл не очень здорово.

Мэри спрашивала себя, не показался ли остальным ее голос таким же неестественным, как ей самой.

– Вы очень мягко выразились, – отозвалась княгиня. – Если бы я играла на скрипке так, как он, то просто застрелилась бы.

Молодая женщина почувствовала, что должна что-то сказать. Чуть передернув плечами, она выговорила:

– Таким, как он, трудно, должно быть, найти себе работу.

– Да, игрой на скрипке в ресторанах на жизнь не заработаешь, – заметил Аткинсон. – Он что, молод?

– Совсем еще юнец, – сказала княгиня. – Интересная у него форма головы, правда, Мэри?

– Я его особенно не рассматривала, – откликнулась та. – К тому же их одели в эти нелепые костюмы.

– Не знала я, что он беженец. Понимаете, меня сейчас мучит совесть: из-за того, что я так пренебрежительно отозвалась о его игре, Пеппино собрался его выгнать. Боюсь, этого скрипача трудно будет разыскать. Мне хочется дать ему две-три сотни лир, чтобы у него было на что жить, пока он будет искать другую работу.

Так они беспрерывно говорили о несчастном австрийце. Мэри бросила взгляд на Роули, словно подавая ему сигнал бедствия. Но тот сидел за другим концом стола и на нее не смотрел. Пришлось ей выходить из положения самостоятельно. В конце концов тема разговора, к счастью для молодой женщины, поменялась. Мэри чувствовала себя выжатой как лимон. Она продолжала болтать о том о сем, смеяться над шутками соседей по столу, изображать интерес к тому, о чем говорили окружающие, делать вид, что ей очень весело. Но все время перед глазами ее стояли события прошлой ночи, с самого начала до самого конца.

Она видела их так отчетливо, как будто они разыгрывались на сцене театра, и это нестерпимо ее мучило. Когда наконец настала пора прощаться, она обрадовалась.

– Очень вам благодарна. Мне было у вас так хорошо! Не помню, когда еще я получала такое удовольствие.

Миссис Аткинсон, седоватая, добрая и неглупая женщина, обладавшая чисто английским чувством юмора, протянула ей на прощание руку.

– Вам спасибо, милая. Вы так прекрасны – сущая находка для тех, кто принимает гостей. Гарольд по-настоящему наслаждался вашим обществом – он ведь у нас записной дамский угодник.

– Он был со мною очень мил.

– Ну так он и должен был себя вести. Кстати, правда ли, что вы нас вскоре покинете?

По тону собеседницы Мэри поняла, что та имела в виду ее отношения с Эдгаром. Должно быть, княгиня что-то ей рассказала.

– Не будем загадывать, – улыбнулась в ответ Мэри.

– Что ж, надеюсь, что то, о чем мне говорили, сбудется. Знаете, я считаю себя большой специалисткой по человеческим характерам. И скажу вам вот что: вы не только прекрасны, но и добры, сердечны и совсем не задираете нос. Хочу пожелать вам, чтобы в жизни вашей было одно лишь счастье.

Глаза Мэри затуманились слезами. Ответив доброй женщине вымученной улыбкой, она быстро вышла.

Глава 7

Когда Мэри вернулась домой, там ее ждала только что полученная телеграмма:

«Возвращаюсь завтра. *Эдгар*».

В саду было несколько террас, располагавшихся на склоне холма на разной высоте. У Мэри имелся там любимый уголок – длинная и узкая лужайка, слегка – напоминавшая аллею для игры в шары. Вокруг росли подстриженные кипарисы, с одного края образовывавшие арку, за которой открывался вид – не на Флоренцию, нет, а на заросший оливами холм с деревенькой на вершине, где выделялись красные крыши старых домов и колокольня местной церквушки. Место было прохладное и уединенное; Мэри усаживалась обычно в глубокое кресло, и душа ее обретала здесь покой. Так молодая женщина сделала и сейчас. Какое облегчение – не видеть людей и не играть перед ними никаких ролей! Она теперь могла всецело предаться своим тревожным мыслям. Через некоторое время Нина принесла ей чашку чая. Мэри сказала служанке, что ожидает Роули.

– Когда он придет, принеси виски, лед и сифон с содовой.

– Хорошо, синьора.

Нина была молода и любила поболтать. В тот день до нее дошли кое-какие новости, и ей захотелось поделиться ими с хозяйкой. Агата, кухарка, узнала их в близлежащей деревушке, где у нее был свой дом. Кто-то из ее родственников сдавал комнату одному из беженцев, заполонивших в последнее время всю Италию, а теперь вот он сбежал, не заплатив ни за комнату, ни за еду. Хозяева же были людьми бедными и не могли позволить себе лишиться этих денег. У беженца не было ничего, кроме одежды, которую он носил; за оставленные им вещи нельзя было выручить и пяти лир. Он задолжал хозяевам за три недели. Они его жалели – он был таким *simpatico*.¹ Но нехорошо с его стороны было так вот исчезать; дурной это поступок. Для них же это урок – если делаешь людям добро, никогда не жди за это воздаяния.

– А куда делся этот беженец? – спросила Мэри.

– Вчера вечером он отправился играть на скрипке в ресторан Пеппино. Кстати, вы ведь там вчера обедали. Перед уходом он сказал Ассунте, что заплатит ей, когда вернется. Но он не вернулся вовсе. Она сегодня зашла в ресторан, но там ей заявили, что ничего об этом

¹ Симпатичным (*um.*).

человеке не знают. Его игра там не понравилась, и ему сказали, что в его услугах больше не нуждаются. У него были с собой кое-какие деньги. Понимаете, он взял свою долю с тарелки, а одна дама положила туда целую сотню лир, так что...

Мэри прервала ее на полуслове – ей невмоготу было больше об этом слышать.

– Спроси Ассунту, сколько этот человек ей задолжал. Я... Мне не по нутру, что она осталась внакладе из-за того, что отнеслась к кому-то по-доброму. Я возмещу ей убытки.

– О, синьора, вы очень выручите этих людей. Понимаете, оба сына в этой семье отбывают сейчас воинскую повинность и ничем не могут ей помочь – в армии ведь служат не по своей воле. Беженца этого они кормили, а еда в наши дни дорога. Именно нам, беднякам, приходится расплачиваться за то, что нашу Италию хотят сделать великой державой.

– Ну ладно, ладно. Можешь идти.

Второй раз за этот день Мэри пришлось выслушивать разговоры о Карле. Ее охватил суеверный страх. Казалось, этот несчастный юноша, никому не нужный при жизни, после смерти каким-то сверхъестественным образом приковывал к себе внимание людей. Мэри вспомнила слова княгини. Та сказала, что хочет что-нибудь для него сделать – он ведь потерял из-за нее работу. Эта дама слов на ветер не бросала и явно собиралась его разыскать; она так настойчиво проводила в жизнь свои замыслы, что если бы узнала, что он исчез, то перевернула бы вверх дном всю страну, чтобы узнать, что с ним случилось.

«Надо отсюда удирать, – подумала Мэри. – Мне страшно».

Хоть бы только пришел Роули! В эту минуту он казался ей единственной ее опорой. Полученная от Эдгара телеграмма лежала в ее сумочке. Молодая женщина достала ее и еще раз перечитала. Да, вот как можно спастись! Она глубоко задумалась.

Но вот она услышала, как кто-то назвал ее по имени:

– Мэри!

Это был Роули. Показавшись на другом конце узкой, как аллея, лужайки, он шел к молодой женщине, чуть сутулясь, засунув руки в карманы. Походка его казалась неуклюжей, но тем не менее неким странным образом вселила в сердце Мэри надежду. Вид у Роули был совершенно невозмутимый.

– Нина сказала, что я смогу застать вас здесь. Она идет следом и несет нам кое-что выпить, а мне этого до ужаса хочется. Вспотеешь, черт возьми, пока взберешься на этот ваш холм. – Он испытующе взглянул на Мэри. – Что с вами такое? Не слишком-то вы хорошо выглядите.

– Потом скажу. Когда Нина уйдет.

Роули присел и закурил сигарету. Подошла Нина, и он стал весело ее поддразнивать.

– Ну что, Нина, как вы смотрите на то, что каждая женщина, по словам дуче, обязана рожать детей ради вящего процветания своей державы? Сдается мне, вы явно уклоняетесь от выполнения своего патриотического долга.

– Мamma mia, сейчас такие времена настали, что самой-то трудно прокормиться. Что бы я делала, если бы у меня было полдюжины голодных младенцев?

Когда служанка ушла, Роули повернулся к Мэри.

– Так в чем же дело?

Она рассказала ему, как за завтраком княгиня говорила о Карле, а после этого – о том, что сообщила ей Нина. Роули внимательно ее выслушал.

– Но, дорогая моя, вам ведь совершенно не о чем беспокоиться. Все это от расстроенных нервов. Он думал, что нашел постоянную работу, но его вытурили; к тому же он задолжал хозяйке – обещал расплатиться, но не смог добыть денег. Ну, предположим, его найдут. Очевидно будет, что он покончил с собой, да и мотивов для этого хоть отбавляй.

Все это звучало весьма убедительно. Мэри вздохнула и улыбнулась.

– Похоже, вы правы. Действительно, нервы у меня шалят. Что бы я без вас делала, Роули?

– Трудно себе представить, – усмехнулся он.

– Если бы нас изловили прошлой ночью, чем бы это для нас кончилось?

– Запахло бы жареным, моя дорогая.

Мэри судорожно глотнула.

– Вы хотите сказать, что мы... что нас посадили бы в тюрьму?

Он смотрел на нее с улыбкой, в которой сквозила ирония.

– Пришлось бы пускаться в чертовски нудные объяснения. Подумайте сами: двое англичан разъезжают по сельским дорогам с трупом в машине. Не представляю, как бы мы смогли доказать, что этот человек застрелился. Скорее бы все подумали, что один из нас его убил.

– Но вам-то зачем было это делать?

– Ну, в богатом воображении фараонов родилась бы целая дюжина причин. Мы ведь вместе уехали прошлой ночью из ресторана Пеппино. Говорят, у меня не лучшая репутация в отношении женщин. Вы же – само воплощение соблазна, как библейское яблоко. Как бы мы доказали, что между нами ничего не было? Могли подумать, что я обнаружил этого человека в вашей комнате и убил из ревности или что он застиг нас при компрометирующих, обстоятельствах, и я убил его, чтобы спасти вашу репутацию. Люди иногда совершают такие идиотские поступки.

– Вы очень рисковали.

– Не стоит об этом говорить.

– Прошлой ночью я была так расстроена, что даже не сказала вам спасибо. Чудовищная неблагодарность с моей стороны. Но я действительно очень признательна вам, Роули. Я перед вами в неоплатном долгу. Если бы не вы, я, наверное, покончила бы с собой. Не знаю даже, чем заслужила я такую заботливость с вашей стороны.

Он несколько секунд спокойно смотрел на Мэри, затем улыбнулся ей добродушно и беззаботно.

– Дорогая моя, я бы сделал это для любого из моих приятелей. Не уверен даже, что не пошел бы на это ради совсем незнакомого мне человека. Как вы знаете, я люблю риск. Не такой уж я законопослушный гражданин, и риск позволяет мне испытать множество острых ощущений. Как-то раз в Монте-Карло я поставил на карту тысячу фунтов. Ощущение тоже было захватывающее, но его не сравнить со вчерашним. Кстати, а где револьвер?

– В моей сумочке. Я не решилась оставить его в доме, когда отправилась на этот завтрак. Боялась, что его найдет Нина.

Роули протянул к ней руку.

– Дайте-ка мне вашу сумочку.

Она не поняла, зачем он ее об этом попросил, но покорно вручила ему сумочку. Роули открыл ее, извлек револьвер и положил его к себе в карман.

– Что вы делаете?

Роули лениво откинулся в кресле.

– Видите ли, рано или поздно тело найдут. Я поразмыслил над этим и решил, что револьвер должен лежать рядом.

У Мэри чуть было не вырвался испуганный крик.

– Не собираетесь же вы снова туда отправиться?!

– Почему бы и нет? Сегодня чудесный день, и меня прямо-таки тянет немного размяться. Я взял напрокат велосипед. Отчего мне не проехаться по шоссе, а потом не свернуть по минутной прихоти на проселочную дорогу? Может, мне захотелось полюбоваться живописной деревушкой на вершине холма!

– А вдруг кто-нибудь заметит, как вы сворачиваете в лес?

– Ну разумеется, я приму элементарные меры предосторожности и посмотрю сначала, нет ли кого поблизости.

Он встал.

– Не собираетесь же вы поехать туда прямо сейчас!

– Именно собираюсь. На самом деле там не лес, а просто группка деревьев. Вчера я вам об этом не сказал – вы были так напуганы, что я не хотел заставлять вас беспокоиться еще

больше. Искать же другое место было некогда. Думаю, тело обнаружат довольно скоро.

– Я совсем изведусь, пока не узнаю, что все обошлось благополучно.

– В самом деле? – улыбнулся Роули. – Тогда я загляну к вам на обратном пути. Осмелюсь предположить, что буду как раз в подходящем настроении, чтобы выпить еще виски.

– О, Роули!

– Не бойтесь. Даже дьяволу не чужд спортивный азарт, к тому же своих людей он в обиду не дает.

Роули ушел. Ожидать его возвращения было настолько мучительно, что по сравнению с этим все пережитое вчера казалось Мэри пустячным. Не было смысла убеждать себя, что сегодняшний риск не идет ни в какое сравнение со вчерашним – ясно было, что вчера он был неизбежен, а сегодня – не нужен. Роули совал голову в львиную пасть явно из любви к острым ощущениям – ему нравилось подвергать себя опасностям. Внезапно Мэри на него разозлилась. Какое право имел он делать такую глупость? Ей надо было этому помешать, но дело было в том, что, когда он говорил об этом в легком, шутливом тоне, трудно было понять истинную суть его плана. Более того, она подумала, что если уж он решил что-то сделать, то переубедить его будет очень трудно. Станный он человек. Трудно было заподозрить, что его легкомысленная манера поведения маскирует такой решительный характер.

– Да, но он, конечно, безнадежно испорчен, – раздраженно сказала она вслух.

Наконец Роули вернулся. Мэри издала вздох облегчения – стоило лишь заметить, какой легкой поступью он к ней шел и какая веселая улыбка играла на его устах, чтобы понять: все обошлось благополучно. Бросившись в кресло, он плеснул в свой стакан виски и содовую из сифона.

– Ну что же, дело сделано. Там поблизости не было ни души. Знаете, случай иной раз не мешает, а помогает злоумышленнику. Рядом с телом небольшая лужа. Думаю, там где-то рядом родник, поэтому и кустарник так разросся. В эту лужу я и бросил револьвер. Через несколько дней вода доведет его до надлежащей кондиции.

Мэри хотела спросить его насчет тела самоубийцы, но не нашла слов, чтобы об этом заговорить. Некоторое время они сидели молча. Роули лениво курил и с наслаждением потягивал охлажденное виски.

– Я должна рассказать вам подробно, что произошло прошлой ночью, – сказала она наконец.

– Совсем не обязательно. О самом существенном я уже догадался, остальное же не так уж и важно, правда?

– Но мне самой этого хочется. Хочу, чтобы вы знали обо мне самое худшее. Я так и не поняла до конца, почему бедный юноша покончил с собой. Меня совсем замучили угрызения совести.

Роули слушал молча, не отрывая от Мэри спокойного взгляда своих умных глаз. Она рассказала ему подробно, что произошло после того, как Карл вышел из тени кипариса, и вплоть до того ужасного мгновения, когда ее заставил вскочить с кровати звук выстрела. О некоторых вещах вспоминать было мучительно трудно, однако эти серьезные серые глаза, неотрывно на нее смотревшие, создавали у нее впечатление, что, если она о чем-то умолчит, Роули сразу же догадается об этом. Рассказывая свою историю во всей ее неприглядности, Мэри почувствовала, что сбрасывает с плеч тяжкое бремя. Когда она кончила, он откинулся назад в кресле и, казалось, сосредоточился на равномерном испускании изо рта колец сигаретного дыма.

– Кажется, я могу сказать вам, почему он покончил с собой, – заговорил наконец Роули. – Он ведь изгнанник и бродяга, голодный, нищий. Для чего было ему жить? А затем вдруг появляетесь вы. Думаю, ему не доводилось встречать более красивой женщины. Вы дарите ему то, о чем он не мог мечтать даже во сне. Для него весь мир стал другим – он ведь решил, что вы в него влюбились. Откуда было ему знать, что вовсе не любовь заставила вас открыть ему свои объятия? И вот вы говорите ему, что с вашей стороны это всего лишь

жалость. Дорогая Мэри, мужчины ведь тщеславны, особенно молодые. Неужели вы об этом не догадывались? Вы подвергли этого человека невыносимому унижению. Ничего удивительного, что он чуть вас не убил. Вы вознесли его до небес, а затем швырнули в грязь. Он оказался в положении узника, перед которым открыли двери темницы, но только он собрался выйти на свободу, как двери эти захлопнули прямо перед его носом. Разве всего этого не достаточно, чтобы он решил: жить дальше не стоит?

– Если дело обстоит именно так, я никогда себе этого не прощу.

– Так-то оно так, но и это еще не все. Понимаете, пережитые невзгоды сделали его человеком неуравновешенным, а может быть, даже расстроили его психику. Не исключено, что были и еще какие-то причины. Видимо, дело было в том, что вы подарили ему мгновения такого неземного блаженства, что он решил: никогда больше не будет в его жизни лучших минут, так что с него довольно. Понимаете, большинству людей случается изведать мгновения столь безграничного счастья, что они говорят себе: «Господи! Пусть жизнь моя закончится сейчас!» Ну так вот, он, должно быть, испытал подобное чувство – и потому умер.

Мэри в изумлении смотрела на своего собеседника. Неужели это сказал он, беспечный, праздный, насмешливый искатель приключений? Таким она его не знала.

– Почему вы говорите мне это?

– Ну, в какой-то степени потому, что не хочу, чтобы вы принимали все это близко к сердцу. Теперь ведь уже ничего не поправишь. Остается лишь обо всем забыть, и, может быть, то, что я вам сейчас сказал, поможет вам сделать это без излишних терзаний. – На лице его появилась так хорошо знакомая ей ироническая улыбка. – Отчасти же я сказал это потому, что уже немало выпил и в голову лезет не то, что надо.

Ничего не ответив, Мэри вручила ему полученную от Эдгара телеграмму. Роули прочел ее.

– Собираетесь выйти за него замуж?

– Хочу отсюда удрать. Я теперь ненавижу этот дом. Каждый раз, когда вхожу в спальню, с трудом удерживаюсь от крика.

– А Индия отсюда далеко.

– У Эдгара сильный характер. Он меня любит. Понимаете, Роули, мне в последние годы жилось очень несладко. Хочу теперь, чтобы кто-то обо мне заботился. Мне нужен человек, на которого я смотрела бы снизу вверх.

– Что ж, это решает дело, не так ли?

Мэри не совсем поняла, что он имел в виду. Она внимательно на него посмотрела, но ни взгляд его, ни улыбка ничего не выдавали.

Молодая женщина тихонько вздохнула:

– Он, конечно, может и не захотеть на мне жениться.

– Да что вы чушь порете, черт возьми! Он же от вас без ума.

– Я должна все ему рассказать, Роули.

– Зачем? – вскричал он в изумлении.

– Я не могу выйти за него замуж, когда на совести у меня такое. Это было бы нехорошо. Я не знала бы ни минуты покоя.

– Ваш покой! А о его покое вы не думаете? По-вашему, он скажет вам спасибо за то, что вы все это ему выложите? Говорю вам: все обошлось. Никому теперь и в голову не придет считать вас причастной к смерти этого несчастного парня.

– Но существует же такое понятие, как честность!

Роули нахмурил брови.

– Вы собираетесь совершить большую ошибку. Знаю я этих столпов империи – непоколебимость духа и все такое прочее. Что ведомо им о снисхождении к чужим проступкам? Сами-то они в снисхождении не нуждаются – они ведь никогда не позволят себе ничего лишнего. Разрушить доверие, которое он к вам питает, – чистейшей воды безумие. Вы для него кумир. Он считает вас воплощенным совершенством.

– Что толку от этого? Я ведь вовсе не такая.

– Не кажется ли вам, что чем лучшего о вас мнения люди, тем чаще надо это мнение подтверждать? У вашего Эдгара масса превосходных качеств; они сделали его тем, кто он есть сейчас. Но если позволите мне высказаться откровенно, он непроходимо глуп, что, впрочем, всегда шло ему на пользу. Без этого он не смог бы стать такой важной персоной. Как можете вы ожидать, что он разберется в тончайших нюансах женской психологии?

– Если любит по-настоящему, разберется.

– Что ж, дорогая моя, поступайте как знаете. Будь я женщиной, ни за что не вступил бы в брак с подобным субъектом. Но раз уж сердце ваше высказалось в его пользу – что ж, ничего другого не остается. Однако если хотите, чтобы все прошло благополучно, послушайтесь моего совета и прикусите язык.

Он негромко усмехнулся, слегка коснулся руки Мэри и удалился расхлябанной своей походкой. Мэри пришло в голову, что она может больше его не увидеть. Думать об этом было даже немножко больно. Надо ему было для смеха снова попросить ее руки. Вот бы потешилась она тогда над его изумлением, когда оказалось бы, что она восприняла его слова всерьез и ответила ему согласием.

Глава 8

На следующий день Мэри снова сидела в саду и в попытке отвлечься занималась вышиванием. Часа в четыре пополудни к ней подошла Нина и сказала, что звонит сэр Эдгар Свифт. Он только что прибыл в город и просил узнать, нельзя ли ему сегодня повидаться с Мэри.

Она не знала, когда должен был прибыть самолет, поэтому ждала Эдгара с самого ленча. Нину она попросила передать ему, что рада будет его видеть в любое время, когда он только сможет прийти. Сердце ее начало биться чуть скорее. Вытащив из сумочки зеркальце, она посмотрелась в него. Лицо было бледным, однако румянами она не пользовалась с тех пор, как узнала, что Эдгар этого не одобряет. Затем она слегка напудрила лицо и накрасила губы. На ней было тоненькое летнее льняное платье желтого цвета с простым, как на обоях, рисунком. Оно казалось таким незамысловатым, что его можно было принять за наряд одной из горничных. Однако шил его лучший парижский портной.

Но вот Мэри услышала шум мотора подъезжавшего автомобиля, и через пару минут перед нею предстал Эдгар. Она встала с кресла и сделала несколько шагов навстречу гостю, чтобы его приветствовать. Одет он был по обыкновению изящно – этого требовали его возраст и положение в свете. Одно удовольствие было смотреть, как шел он по узкой лужайке – так высок он был и строен, такой прямой была его осанка. Эдгар снял шляпу. Густые волосы его отливали блеском от употребления специального бальзама, который одновременно не давал растрепаться его волнистой прическе. Ясные голубые глаза будущего губернатора благосклонно смотрели из-под густых бровей; черты его породистого худого лица не выражали сейчас твердокаменной непоколебимости, столь характерной для этого человека, к тому же их смягчала радостная улыбка. Эдгар тепло поздоровался с молодой женщиной.

– Как вы красивы и невозмутимы – словно смотришь на прекрасную картину.

Эту затасканную фразу так часто повторял при встречах с нею Аткинсон, что выслушивать ее теперь от Эдгара было довольно-таки сомнительным удовольствием. Мэри подумала, что достигшие определенного возраста джентльмены просто не могут не говорить таких вещей дамам, которые намного моложе их.

– Пожалуйста, садитесь. Нина сейчас принесет нам чаю. Удачна ли была ваша поездка?

– Я так рад снова вас видеть, – сказал он. – Кажется, со дня последней нашей встречи прошел целый век.

– На самом деле это было совсем недавно.

– К счастью, я в точности знал, чем вы все это время были заняты. Мне известно было, где вы находитесь каждый час, и я мысленно был с вами.

На губах Мэри мелькнула улыбка.

– Я-то думала, у вас там много дел.

– Конечно, дел было много. Я дважды подолгу беседовал с министром, и мы с ним, кажется, все уладили. В начале сентября я должен ехать в Индию. Министр был со мною очень мил. Он не скрывал, что на этом посту мне придется нелегко, хотя, конечно, я знал, на что иду, когда согласился его занять. Потом министр рассказал, почему на эту должность прочили меня. Не хочу утомлять вас перечислением комплиментов, которые он мне расточал, но...

– Да нет, это меня не утомит. Расскажите, пожалуйста.

– Ну, он сказал, что особые обстоятельства диктовали необходимость назначить на этот пост человека, вызывающего доверие населения и в то же время решительного. Он даже был настолько любезен, что сказал: он не знает никого, кроме меня, кто сочетал бы в себе эти качества.

– Не сомневаюсь, что он прав.

– Как бы то ни было, звучало все это весьма лестно. Понимаете, мой путь вверх был долгим. Приятно видеть себя почти у самой вершины дерева, на которое столько времени взбирался. Новый мой пост не только высокий, но и ответственный. Он даст мне возможность показать, на что я способен, а между нами, способен я, по-моему, на многое. – Он ненадолго замолчал. – И если я оправдаю как свои, так и их ожидания, то смогу подняться на самую вершину дерева.

– Вы очень честолубивы, да?

– Кажется, да. Я люблю власть и не боюсь ответственности. У меня есть кое-какие дарования, и я рад случаю выжать из них максимум возможного.

– В день вашего отъезда я видела за обедом полковника Трэйла. Он сказал, что если в Бенгалии у вас будет все в порядке, то не исключено, что вы станете вице-королем Индии.

В глазах Эдгара блеснул дерзкий огонек.

– Сейчас того, кто занимает эту должность, называют генерал-губернатором. Думаю, то, что вы сказали, не выходит за пределы возможного. Сделали же они вице-королем Уиллингдона¹ и, черт возьми, отменный из него вышел вице-король!

Они допили чай. Эдгар поставил чашку на столик.

– Знаете, Мэри, наслаждение, которое я испытываю, заглядывая в будущее и предвкушая ожидающую меня славу, наполовину обесценится для меня, если я не буду уверен, что вы разделите мою судьбу.

Сердце ее дрогнуло. Вот момент и настал. Чтобы успокоиться, она закурила сигарету. На Эдгара она не смотрела, но ощущала на себе его взгляд, в котором светилась нежность.

– Вы обещали дать ответ, когда я вернусь, – сказал он и усмехнулся. – Я даже заказал чартерный рейс и прилетел сюда раньше, чем собирался. Видите, как мне не терпится услышать, что вы решили.

Мэри отбросила только что зажженную сигарету и вздохнула.

– Прежде всего я должна вам кое-что рассказать. Боюсь, вас это очень расстроит. Прошу вас, выслушайте меня и не перебивайте. Если вам захочется что-то сказать или задать какой-то вопрос, сделайте это, пожалуйста, потом.

Лицо Эдгара внезапно посуровело. Он пристально посмотрел на свою собеседницу.

– Что ж, перебивать вас я не стану.

– Я все на свете отдала бы за возможность промолчать, но такой возможности у меня нет – иначе это было бы нечестно. Я должна сообщить вам факты, а потом поступайте, как сочтете нужным.

– Слушаю вас.

И снова она рассказала свою долгую и тягостную историю, которую днем раньше

¹ Уиллингдон (Томас Фримен, барон Уиллингдон, 1866–1941), член парламента от либеральной партии, в 1913–1926 гг. – губернатор различных провинций Индии, в 1926–1931 гг. – генерал-губернатор Канады, в 1931–1935 гг. – вице-король Индии.

поведала Роули. Она не умолчала ни о чем. Ничего не преувеличила, но ничего и не стала преуменьшать. Однако рассказывать все это Эдгару было труднее. Слушая, он сидел неподвижно, его суровое лицо застыло, блеск в глазах погас, и трудно было понять, воспринимает ли он то, что слышит. Собственное поведение казалось сейчас Мэри безответственным и даже распутным. Когда она рассказывала все Роули, такого ощущения у нее не было. Мэри не заботилась о том, чтобы придать мотивам своих поступков хотя бы какое-то правдоподобие. Кое-что из случившегося казалось невероятным, и сердце ее замирало при мысли, что он, быть может, ей не верит. Теперь она понимала: в том, что они с Роули засунули труп в машину и спрятали его в безлюдном месте на склоне холма, было что-то непристойное, омерзительное. Она так и не могла сообразить, что еще можно было сделать, чтобы предотвратить ужасный скандал и невообразимые неприятности с полицией. Все, что случилось с Мэри, было так фантастично, так не соответствовало стилю жизни таких людей, как она, что казалось случившимся в кошмарном сне.

Но вот наконец она закончила свой рассказ. Эдгар какое-то время сидел молча, потом встал и начал мерить шагами зеленую лужайку. Голова его почти склонилась на грудь, руки были сцеплены за спиной, на лице застыло мрачное, удрученное выражение, которое молодой женщине раньше видеть не приходилось. Казалось, он внезапно постарел. Потом Эдгар остановился перед ней, посмотрел на нее сверху вниз и улыбнулся какой-то болезненной улыбкой. Когда он заговорил, в голосе его послышалась такая нежность, что у Мэри защемило сердце.

– Простите меня, пожалуйста. Все это прямо-таки застало меня врасплох. Понимаете, я мог ожидать подобное от любой женщины, но не от вас. Я знаю вас с тех времен, когда вы были очаровательной и простодушной девочкой. Невероятно, что из всех людей именно вы...

Он не договорил, но мысль его была ей ясна: невероятно, что из всех людей именно она бросилась в объятия первого встречного бродяги.

– Я вовсе не пытаюсь оправдаться.

– Боюсь, ваше поведение нельзя назвать иначе как очень глупым.

– Даже хуже.

– Ну, не будем больше обо всем этом говорить. По-моему, любовь моя к вам достаточно сильна, чтобы я смог понять вас и простить. – Его громкий голос дрогнул, но улыбка вышла ласковой и снисходительной. – Вы романтическое, глупенькое дитя. Совершенно уверен: все то, что вы сделали после смерти этого человека, было при сложившихся обстоятельствах единственным выходом из положения. Вы, конечно, страшно рисковали, но, похоже, все должно обойтись благополучно. В общем, вам просто необходим кто-то, кто вел бы вас по жизни.

Она посмотрела на него с сомнением.

– Вы все-таки хотите жениться на мне? Даже сейчас, после того, как узнали все?

Он заколебался, правда, всего лишь на миг, настолько краткий, что любой другой человек, кроме Мэри, мог бы этого и не заметить.

– Надеюсь, вы не подумали, что я собираюсь бросить вас в беде? На такое я не способен, дорогая моя Мэри.

– Мне очень стыдно за мое поведение.

– Я очень хочу, чтобы вы вышли за меня замуж. Сделаю все от меня зависящее, чтобы сделать вас счастливой. Карьера – это еще не все. В конце концов, я не так уж молод. Я хорошо потрудился на благо моей родной страны, так что не вижу причин, почему бы мне не отойти от дел и не предоставить шанс отличиться кому-нибудь из молодых.

Мэри озадаченно уставилась на него – такого она не ожидала.

– Что вы имеете в виду?

Эдгар снова сел в кресло и взял ее ладони в свои.

– Видите ли, дорогая, то, что вы мне рассказали, несколько меняет дело. Теперь я не могу принять предложенный мне пост – это было бы с моей стороны не по-джентльменски. Если все откроется, последствия будут просто ужасны.

Мэри смотрела на него изумленно.

– Я вас не понимаю.

– Вы только не волнуйтесь, Мэри, дорогая. Я телеграфирую министру, что собираюсь жениться и ехать в Индию не могу. В качестве причины – кстати, она будет считаться достаточно веской – могу сослаться на состояние вашего здоровья. К сожалению, теперь мне не удастся создать вам то положение в обществе, которое вы заняли бы, если бы я принял этот пост. Но это еще не значит, что мы не сможем жить с вами счастливо. Почему бы нам не купить дом на Ривьере и яхту, которую я всегда мечтал иметь? Будем плавать по морю и удить рыбу – это ведь такое веселое времяпрепровождение!

– Но не можете же вы все бросить именно сейчас, когда почти уже добрались до вершины дерева? Зачем вам это делать?

– Послушайте, что я вам скажу, дорогая моя. При исполнении должности, которую мне предложили, возникает множество весьма деликатных ситуаций. Это потребует от меня крайнего напряжения моих мыслительных способностей; к тому же мне просто необходимо будет пребывать в спокойном расположении духа. А вместо этого мне вечно придется тревожиться о том, не вышли ли наружу какие-нибудь подробности этой истории. Как можно принимать мудрые и взвешенные решения, когда сидишь на вулкане?

– Что же может выйти наружу?

– Во-первых, существует револьвер. Если полиция озаботится навести справки, то выяснит, что он принадлежит мне.

– Ну хорошо, пусть так. Я думала об этом. Мог же этот юноша вытащить его из моей сумочки, когда подошел ко мне в ресторане.

– Мог-то он мог. Не сомневаюсь даже, что нетрудно придумать еще множество правдоподобных версий того, как этот револьвер оказался у него. Но все это означает пускаться в объяснения, а такого я позволить себе не могу. Не считите за похвальбу, но я не из тех, кто способен наврать с три короба, чтобы себя выгородить. Кстати, правду знаете не только вы, но и еще один человек – Роули Флинт.

– Можете ни минуты не сомневаться – он никогда меня не выдаст!

– В этом-то я и сомневаюсь. Он ведь беспутный повеса, лентяй и мот. Не понимаю, зачем живут на свете подобные люди. Можно ли быть уверенным, что, выпив пару рюмок, он не начнет болтать? Ваша история ведь слишком занимательна, чтобы не возник соблазн ее рассказать. Вот он и расскажет ее в интимной беседе какой-нибудь женщине, сначала одной, потом другой. Не успеете вы понять, откуда ветер дует, как вашу историю будет обсуждать весь Лондон. А дальше, можете мне поверить, слух дойдет вскоре и до Индии.

– Эдгар, вы не правы. Вы неверно о нем судите. Я знаю, он необуздан и опрометчив – если бы не это, вряд ли он пошел бы на риск и спас меня, однако я знаю, что могу ему доверять. Он никогда меня не выдаст. Скорее умрет, чем пойдет на это.

– Жаль, что вы не знаете человеческую природу так, как я. Говорю вам, не сможет он удержаться, чтобы не рассказать эту историю.

– Но если вы так уверены в этом, какая тогда вам разница, выходить в отставку или нет?

– Конечно, поползет масса слухов, но если я уже оставлю государственную службу и буду частным лицом, что мне до этого? Можно тогда махнуть на это рукой. Но совсем другое дело, если я буду занимать в это время пост губернатора Бенгалии. Не забывайте, вы совершили наказуемое законом деяние. За это полагается даже выдавать человека стране, где все произошло. Италии, врагу нашей родины, представилась бы отличная возможность забросать нас грязью. Вы не задумывались над тем, что вас могут обвинить в убийстве?

Он смотрел на нее так сурово, что она содрогнулась.

– Я привык вести честную игру, – продолжал он. – Правительство мне доверяло, и я никогда по своей воле его не подведу. Человек, занимающий предложенный мне пост, обязан быть чист как стеклышко, да и жена у него должна быть такая, чтобы никто не мог сказать о ней худого слова. То, как пойдут в дальнейшем наши дела в Индии, во многом зависит от престижа тамошней администрации. Если мне придется с позором сложить с себя

должность, это может привести к очень серьезным последствиям. Не стоит спорить, Мэри, я должен поступить так, как считаю правильным.

Тон его постепенно менялся, голос звучал хрипло и резко. Наконец-то сэр Эдгар предстал перед молодой женщиной таким, каким его знала вся Индия, – решительным и безжалостным человеком, хотя и талантливым руководителем. Вглядываясь в каждую складку на его мрачном лице, Мэри пыталась проникнуть в его тайные мысли, угадать по блеску в его глазах, какие чувства он испытывает к ней на самом деле. Она прекрасно понимала, что своей откровенностью нанесла ему удар. Эдгар не в состоянии был примириться с ее возмутительным, из ряда вон выходящим поведением. Мэри подорвала его веру в нее, и он никогда больше не будет на нее полагаться. Однако не тот он был человек, чтобы отказаться от предложения, которое сам же ей сделал. Когда она по собственной воле рассказала ему то, что без труда могла от него скрыть, он должен был в ответ на ее откровенность проявить великодушие – иначе поступить он просто не мог. Он готов был пожертвовать своей карьерой и возможностью прославить свое имя ради того, чтобы жениться на Мэри. Она подозревала, что он ощущал какую-то горькую радость в предвкушении подобной жертвы – не потому, что так уж любил Мэри, но из-за того, что это дало бы ему возможность лишний раз полюбоваться собой. Она достаточно хорошо знала его, чтобы понять: он никогда не упрекнет ее за то, что по ее вине ему пришлось столько упустить в жизни; однако знала она и то, что его кипучая энергия, трудолюбие и тщеславие никогда не дадут ему забыть об упущенных возможностях. Разумеется, он любит ее и его жестоко разочаровало бы крушение его matrimониальных планов, но молодая женщина была почти уверена: теперь он от нее откажется, если, конечно, сумеет сделать это так, чтобы его самоуважение не было подорвано. Этот человек был рабом своей цельной натуры.

Мэри потупила глаза, чтобы Эдгар не смог разглядеть в них веселых огоньков. Как ни странно, положение казалось ей отчасти даже забавным. Она ведь знала теперь, знала совершенно определенно, что при любых обстоятельствах – даже если не случится ничего из того, чего он вынужден опасаться, даже если его завтра сделают вице-королем Индии – она не выйдет за него замуж. У нее сохранилась прежняя привязанность к нему, к которой добавилась еще и благодарность за то, что он тепло отнесся к ней после всех выпавших на ее долю в последние дни передрыг, о которых она посчитала себя обязанной ему сообщить. Поэтому ей не хотелось причинять ему боль – если этого, конечно, можно будет избежать. Ей надо быть очень осторожной. Если она скажет ему не то, что нужно, он заупрямится, отметет все ее возражения и еще, чего доброго, станет чуть ли не силком принуждать ее выйти за него замуж. Что ж, в худшем случае придется ей совсем низко пасть в его глазах. Конечно, не очень-то это приятно, но может оказаться, что без этого не обойтись. Чем хуже он будет о ней после этого думать, тем легче сможет все это перенести.

Мэри вздохнула, вспомнив о Роули: насколько легче было общаться с этим непутевым бездельником! Несмотря на все свои грехи, правды он не боялся. Собравшись с мыслями, она сказала:

– Знаете, Эдгар, мне больно будет думать, что я явилась причиной крушения вашей замечательной карьеры.

– Надеюсь, вы не долго будете предаваться подобным мыслям. Со своей стороны обещаю: выйдя в отставку, я выброшу все это из головы.

– Но мы не должны думать лишь о себе. Вы прямо-таки созданы именно для этой должности. В вас нуждается государство. Ваш долг – занять ее, невзирая ни на какие личные дела.

– Не такого уж я о себе высокого мнения, чтобы считать себя незаменимым.

– Я всегда так восхищалась вами, Эдгар. Мне невыносима сама мысль о том, что вы дезертируете с поста, занимать который вам просто необходимо. На мой взгляд, сделать это – значит проявить слабость.

Эдгар сделал едва заметное беспокойное движение, и она почувствовала, что задела его за живое.

– У меня нет другого выхода, – отозвался он. – Принять эту должность при нынешних обстоятельствах – еще хуже. Это был бы просто бесчестный поступок.

– Но ведь выход из положения существует! В конце концов, вы же не обязаны на мне жениться!

Он бросил на нее столь быстрый взгляд, что она так и не поняла, что за ним крылось. Конечно, Эдгару ясно, к чему она клонит. Не означает ли этот взгляд вот что: Господи Боже, неужели мне дают возможность выпутаться? Как же мне ею не воспользоваться? Однако Эдгар умел держать свои чувства в узде. Когда он снова обратился к Мэри, на губах его играла улыбка, а в глазах светилась нежность.

– Но ведь я хочу на вас жениться. Ничего на свете мне так не хочется!

Ах, так?! Ну, получай пилюлю!

– Дорогой Эдгар, я очень привязана к вам, я перед вами в долгу – у меня никогда не было лучшего друга, чем вы. Я знаю, какой вы хороший человек, как вы правдивы, добры и преданны. Но дело в том, что я вас не люблю.

– Я знаю, конечно, что мне намного больше лет, чем вам. Не сомневаюсь, что вы не можете любить меня так, как любили бы вашего сверстника. Я надеялся, что некоторые преимущества, которые я мог вам обеспечить, некоторым образом компенсировали бы это. К сожалению, теперь этих преимуществ стало меньше, что, быть может, вас уже не устраивает.

Боже мой, как же он все усложняет! Ну почему бы ему не сказать прямо, что она корыстная и безнравственная женщина и будь он проклят, если на ней женится! Что ж, ей теперь предстояло закрыть глаза и почти в буквальном смысле прыгнуть в котел с кипящим маслом. Ничего другого не оставалось.

– Я хочу быть с вами до конца искренней, Эдгар. Если бы вы стали губернатором Бенгалии, вам пришлось бы много работать и у меня тоже было бы полно хлопот. Пост этот невысказанно высокий, а мне ведь не чужды человеческие слабости. В этом случае с моей стороны было бы достаточно одной лишь симпатии к вам. У нас было бы так много общих интересов, что люблю ли я вас или нет, совершенно не имело бы значения. – Теперь Мэри предстояло самое трудное. – Но если бы нам пришлось жить уединенно на Ривьере и весь день с утра до вечера искать, чем себя занять, что ж, это, по-моему, было бы возможно лишь в том случае, если бы я любила вас так же, как вы меня.

– Я не настаиваю на том, чтобы жить на Ривьере. Мы можем поселиться в любом месте, где вы только пожелаете.

– Это ведь ничего не меняет, правда?

Эдгар надолго замолчал. Когда он снова поднял голову, взгляд его обжигал холодом.

– Вы хотите сказать, что готовы выйти замуж за губернатора Бенгалии, но не за отставного чиновника индийской администрации?

– В сущности, это так.

– В таком случае, нам нет смысла обсуждать все это дальше.

– Да, похоже, это бесполезно.

И снова Эдгар замолчал.

Вид у него был весьма мрачный, хотя по лицу совершенно нельзя было угадать, о чем этот человек думает. Он потерпел неудачу, подвергся унижению, горько разочаровался в своей невесте, но в то же время Мэри была вполне уверена, что в глубине души он чувствует облегчение, хотя, конечно, ни за что этого не покажет.

Наконец Эдгар встал с кресла.

– Не вижу причин долее оставаться во Флоренции. Если, разумеется, вы не попросите меня остаться – вдруг у вас будут какие-нибудь неприятности из-за... гм... из-за того самоубийцы.

– О, нет, думаю, в этом нет необходимости.

– Что ж, тогда я завтра уеду в Лондон. Наверное, нам лучше проститься прямо сейчас.

– Прощайте, Эдгар. И простите меня.

– Мне не за что нас прощать.

Он поцеловал ей руку, затем с достоинством, в котором отнюдь не было ничего нелепого, медленно удалился по зеленой лужайке и вскоре исчез за живой изгородью. Через пару минут Мэри услышала шум мотора отъезжавшей машины.

Глава 9

Беседа с Эдгаром крайне утомила Мэри. Две последние ночи она так по-настоящему и не отдыхала и теперь, убаюканная шелковой гладкостью летнего воздуха и приятным для слуха однообразным стрекотанием цикад – единственным нарушавшим тишину звуком, – задремала. Час спустя она проснулась и почувствовала, что к ней вернулись силы. Она побродила по старому саду; потом ей захотелось посидеть на террасе и полюбоваться открывавшимся оттуда видом на город, который особенно живописно должен был выглядеть сейчас, при свете угасавшего дневного светила. Когда она приблизилась к дому, навстречу ей вышел Чиро, слуга.

– Синьора, вам звонит синьор Роландо, – сказал он.

– Спросите, что он хочет мне передать.

– Он хочет поговорить с вами, синьора.

Мэри едва заметно пожала плечами. Именно сейчас ей вовсе не хотелось беседовать с Роули; однако потом ей пришло в голову, что он, быть может, намеревается что-то ей сообщить. Ее не оставляла мысль о бедном юноше, чье тело лежало на склоне холма. Она подошла к телефону.

– У вас лед дома есть? – спросил Роули.

– Вы что, звоните мне только для того, чтобы это выяснить? – холодно отозвалась молодая женщина.

– Не только. Хочу спросить вас также, есть ли у вас джин и вермут.

– Больше вам ничего не надо?

– Конечно, надо. Хочу узнать, не угостите ли вы меня коктейлем, если я сяду в такси и пожалую к вам.

– У меня полно дел.

– Вот и отлично. Я приеду и помогу вам.

Раздраженно передернув плечами, Мэри велела Чиро приготовить все необходимое для коктейля и прошла на террасу. Ей не терпелось как можно скорее покинуть Флоренцию. Теперь она ненавидела этот город, однако ей не хотелось, чтобы ее отъезд породил массу толков. Что ж, может быть, и неплохо, что сейчас приедет Роули – она попросит у него совета. В сущности, как нелепо, подумала она, что приходится так надеяться на человека, слывущего самым воплощением ненадежности.

Через четверть часа появился Роули. Когда он шел к ней по террасе, Мэри отметила, какой контраст составляют они с Эдгаром. Последний, невзирая на свой высокий рост и удобу, имел весьма элегантный вид, держался с прирожденным достоинством и уверенностью, – как человек, за много лет привыкший, что окружающие ему повинуются. Заметив его в толпе, каждый сразу же спросил бы, кто этот человек с волевым лицом и властными манерами? Роули же, коренастый и невысокий, носивший свои костюмы так, как будто то были какие-то робы, шел к ней сейчас по террасе, как всегда сутулясь и засунув руки в карманы; веселый и беззаботный, он двигался с какой-то дерзкой медлительностью, и Мэри вынуждена была признать, что в нем все же было нечто привлекательное. Его вечная улыбка и читавшаяся в серых глазах добродушная насмешливость не позволяли, конечно, воспринимать этого человека всерьез, но с ним, по крайней мере, легко было общаться. Мэри внезапно пришло в голову, что, невзирая на все его недостатки (и не учитывая оказанную им ей большую услугу), она чувствовала себя с ним свободно и непринужденно. В его присутствии можно было держаться естественно, не было нужды кого-то из себя строить – прежде всего по той причине, что он сразу почувствовал бы притворство и тотчас над нею бы посмеялся, и еще потому, что сам он никогда никого из себя не строил.

Роули смешал коктейль, залпом осушил стакан и удобно устроился в глубоком кресле. Потом он бросил на Мэри озорной взгляд.

– Ну что, дорогая, столп империи вас отверг?

– Как вы узнали? – тут же спросила она.

– Простейший логический вывод. Вернувшись в отель, он поинтересовался расписанием поездов и, когда узнал, что может успеть на вечерний экспресс, следующий из Рима в Париж, заказал такси, чтобы ехать в Пизу. Ну, я и догадался, что, если бы не подобная встряска, вряд ли он отбыл бы так поспешно. Говорил же я вам: глупо с вашей стороны было все ему выбалтывать. Трудно ведь ожидать от подобного человека, что он переварит подобную историю.

Коль скоро Роули отнесся ко всему этому так легкомысленно, ей не было смысла делать из этого трагедию. Так что Мэри сказала с улыбкой:

– Он вел себя очень достойно.

– Еще бы! Не сомневаюсь, он держался как истинный джентльмен.

– Он и есть истинный джентльмен.

– Куда мне до него! Я ведь джентльмен по рождению, а не по натуре.

– Ну, мне можете об этом не говорить, Роули.

– Надеюсь, вас все это не очень расстроило, а?

– Меня? Да нет. Хотите верьте, хотите нет, но дело в том, что, пока мы с ним обсуждали случившееся во всех подробностях, мне стало ясно, что никакие мирские блага не соблазнят меня выйти за этого человека.

– Что ж, вы легко отделались. Я не пытался вас отговаривать – вы ведь так настроились выйти за него замуж. Но теперь скажу: с ним вы бы умерли со скуки. Я неплохо знаю женщин и вижу, что вы не из тех, кто может позволить себе быть женой столпа империи.

– Он незаурядный человек, Роули.

– Я прекрасно знаю, кто он такой. Это человек, старательно изображающий незаурядность. Вот что его от всех отличает. Он всю жизнь играет одну роль, ну, скажем, как Чарли Чаплин всю жизнь играет самого себя.

– Я хочу уехать отсюда, Роули.

– Не вижу причин, почему бы вам этого не сделать. Перемена обстановки вам не повредит.

– Вы были так добры ко мне! Я буду очень без вас скучать.

– Да, но мы же, по-моему, будем теперь видеться часто.

– Почему вы так думаете?

– Ну, потому что вам теперь, насколько я понимаю, остается лишь выйти за меня замуж.

Она наклонилась вперед и удивленно воззрилась на него.

– Что вы имеете в виду?

– Со вчерашнего вечера, конечно, столько всего случилось, и у вас, должно быть, вылетело из головы, что я предложил вам руку и сердце. Не думайте, что я воспринял вчерашний ваш отказ как окончательный. Пока что все женщины, которым я делал подобные предложения, соглашались.

– Мне казалось, вы шутите. Не может быть, что вы на самом деле хотите именно сейчас на мне жениться.

Роули откинулся назад в кресле и затянулся сигаретой; на устах его появилась добродушная улыбка, в глазах блеснул веселый огонек. Заговорил же он таким небрежным тоном, что трудно было отнестись к его словам иначе чем к гаерничанью.

– Видите ли, дорогая, преимущество мое в том, что я человек непутевый. Многие пытаются стыдить меня за мои поступки; осмелюсь сказать, что они правы. Хотя не думаю, что я причинил так уж много вреда – женщины меня любят, я же влюбчив от природы, так что все обычно происходит как-то само собой. Тем не менее я никогда не присваивал себе права упрекать других людей за их проступки. Мне даже и в голову такое не приходило. Мой девиз: живи сам и давай жить другим. Видите ли, я отнюдь не столп империи, не

политический деятель с нестигаемой волей и незапятнанной репутацией; я просто легкий в общении человек, материально обеспеченный и ненавидящий скуку. Вы скажете, я просто бабник и лентяй. Что ж, почему бы мне не исправиться? Я получил в наследство поместье в Кении; управляющего я как раз увольняю, поскольку от него больше вреда, чем пользы. Думаю, неплохо было бы мне отправиться туда и взяться за дело самому. Кто знает, может быть, мне пора остепениться? Да и вам, надеюсь, в Кении понравится.

Он на минуту умолк, ожидая ее ответа, но она так ничего и не сказала. Он так ее удивил, все сказанное им было до такой степени неожиданным, что Мэри была в состоянии лишь тупо смотреть на него, как будто ничего не поняла. Роули продолжал говорить, слегка растягивая слова, словно желал подать сказанное в смешном виде и развеселить ее.

– Знаете, когда вы заявили мне, что я хочу лишь завести с вами интрижку, вы угадали – сперва так оно и было. А что, почему бы и нет? Вы так соблазнительны! Я был бы каким-то бесчувственным чурбаном, если бы у меня не возникло подобное желание. Однако на следующий вечер, когда вы подвезли меня до отеля, я услышал от вас нечто такое, что тронуло мое сердце. Я понял тогда, как вы добры и отзывчивы.

– С тех пор много воды утекло.

– Да, знаю. Рискну сказать вам даже, что был такой момент, когда я очень на вас рассердился.

Она взглянула на него из-под своих длинных ресниц.

– Поэтому вы и дали мне пощечину?

– Вы имеете в виду тот момент, когда вы вышли из машины? У вас началась истерика, и я ударил вас, чтобы ее прекратить.

– Вы причинили мне боль.

– Я этого и хотел.

Мэри потупила взор. Ей вспомнилось, как Эдгар побледнел от муки, услышав, что произошло между нею и тем несчастным молодым человеком. Эдгар был просто ошеломлен, но она понимала: большее всего ранило его то, что она позволила себе запятнать свою так ценимую им безупречную чистоту – он ведь любил не женщину, какой она была сейчас, а все ту же прелестную простодушную маленькую девочку, которой дарил когда-то шоколадки и которая в детском неведении его обожала. Со стороны Роули в тот момент последовала та же реакция. Именно ревность обманувшегося в своих ожиданиях самца заставила его дать ей ту злополучную пощечину. Как ни странно, Мэри, осознав это, ощутила немалую гордость. Она не смогла удержаться и бросила на Роули взгляд, выдававший, что она вот-вот улыбнется. Роули тоже посмотрел на нее.

– Однако я больше на вас не сержусь, – продолжал он. – Видите ли, вы подкупили меня тем, что обратились ко мне за помощью, когда попали в переплет, и еще тем, как вы держались. Признаюсь, был момент, когда запахло жареным; вы же сумели удержать в узде ваши нервы, и это понравилось мне тоже. Конечно, до этого вы вели себя как совершеннейшая дура. Но все это показало, что у вас великодушное сердце, что, по правде говоря, не так уж часто встречается у женщин. Так что, Мэри, я по уши в вас влюблен.

– Странные люди эти мужчины, – вздохнула она. – Вы с Эдгаром оба придаете такое значение чему-то совершенно несущественному. Тогда как на самом деле важно лишь одно – что этот бедный, всеми покинутый юноша по моей вине лежит сейчас где-то на склоне холма, под открытым небом, и тело его даже не предано земле. Вот что гнетет мое сердце.

– Ему теперь все равно, где лежать, – что там, что на кладбище. Своими терзаниями вы не вернете его к жизни, которой он так и не смог найти достойного применения. Кем он, в сущности, для вас был? Никем. Встретиться он вам завтра на улице, вы бы его даже не узнали. «Пусть в мыслях ваших не будет фальши» – так, кажется, говорил доктор Джонсон?¹ Чертовски хороший совет.

Мэри в изумлении широко раскрыла глаза.

¹ Джонсон Сэмюэл (1709–1784) – английский литератор (критик, эссеист), биография которого, написанная его другом Дж. Босуэллом, является классической в этом жанре.

– Великий Боже, вы-то откуда знаете о докторе Джонсоне?
– Порою на досуге я много читаю, а в жизни моей досуга, как вы знаете, хватает. Старина Сэм Джонсон – один из моих любимцев. У него бездна здравого смысла, и потом, он неплохо разбирается в человеческой натуре.

– Прямо не знаешь, чего от вас ожидать, Роули. Никогда не думала, что вы читаете что-нибудь, кроме спортивных новостей.

– Просто я не все свои богатства выставляю на витрину, – усмехнулся он. – Думаю, если вы за меня выйдете, вам будет не так скучно, как, может быть, вам кажется.

Тут она улыбнулась – ей пришла в голову озорная мысль.

– Как же мне тогда заставить вас хоть отчасти хранить мне верность?

– Ну, это уж будет зависеть от вас. Говорят, женщине обязательно надо чем-то заниматься. Вот и займетесь в Кении охраной моей нравственности.

Мэри посмотрела на него задумчиво.

– Почему вам так непременно хочется брать на себя все эти хлопоты с устройством брака? Если вы действительно меня любите, как вы говорите, то я была бы не против отправиться с вами путешествовать. Мы могли бы, например, проехаться на машине по Провансу.

– Это, конечно, идея. Но только весьма дурного свойства.

– Не вижу смысла в том, чтобы превращать хорошего друга в равнодушного супруга.

– Хорошенькие вещи иной раз слышишь от порядочных женщин.

– Не такая уж я порядочная. После того, что было, я о себе крайне низкого мнения.

– Ну и зря. Если у вас формируется комплекс неполноценности, придется мне задать вам такую трепку, чтобы вы запомнили ее надолго. Нет, дорогая моя, или брак – или ничего. Хочу закрепить вас за собою навсегда.

– Но я же не люблю вас, Роули.

– Вчера вечером я говорил вам: если дадите себе хоть малейший шанс, то полюбите.

Молодая женщина с сомнением смотрела на него, потом вдруг на устах ее проглянула застенчивая, хотя и немного лукавая улыбка.

– Как будет удивительно, если вы окажетесь правы, – едва слышно заговорила она. – Когда вчера ночью эти пьянчуги проезжали мимо нас и вы обняли меня и поцеловали, я не могла бы утверждать, что это... м-м... было мне неприятно.

Роули вдруг громко засмеялся, вскочил, взял Мэри за руки и заставил ее встать с кресла. Обхватив ее стан, он нежно поцеловал ее в губы.

– Итак, жду вашего ответа, – напомнил он.

– Что ж, если вы так хотите на мне жениться... Но мы с вами ужасно рискуем!

– Дорогая, как же можно жить – и не рисковать?!